

Мадонна без младенца

Автор:

Анна и Сергей Литвиновы

Мадонна без младенца

Анна и Сергей Литвиновы

Вера во всем привыкла быть безупречной. Но разве может семья считаться образцовой, если в ней нет наследника? Когда традиционные способы не помогли, Вера с мужем, как люди современные и обеспеченные, обратились к услугам суррогатной матери, но они даже не предполагали, что все закончится трагедией – женщина потеряет ребенка, причем по своей вине... Стоя на торжественной линейке, Аля смотрела то на нарядную дочку в рядах первоклассников, то на мужа Василия и чувствовала себя совершенно счастливой! Однако счастье оказалось таким хрупким... Василий неудачно сделал ставку на бирже, и теперь на нем висит огромный долг. Выплатить его можно, лишь продав квартиру, но тогда он с женой и дочкой окажется на улице... Аля сама предложила другой вариант: она станет новой суррогатной матерью для Веры. Аля знала свою подругу много лет, но даже не подозревала, на что та готова ради ребенка...

Анна и Сергей Литвиновы

Мадонна без младенца

Менять маски – тоже часть работы.

Прежде чем войти в подъезд, Людмила нацепила на себя очередное обличье. Стерла румяна, помаду, стянула волосы в унылый хвостик. Сунула в рот две таблетки антиполицая. Даже выражение лица изменила – оно стало благостным, скучным.

Людмила шагнула в подъезд, дождалась лифта, поднялась на свой четырнадцатый этаж.

Интересно, будет сегодня засада? Заказчики обожают охотиться на исполнительниц. И думают, дурачки, что могут их перехитрить!

У квартир никого, а с лестничной клетки ее окликнул какой-то парень:

– Девушка, милая! Можете выручить дурака?

Людмила окинула его быстрым взглядом – росточка малого, мускулов не густо. Но мордаха – очень даже ничего. И одет шикарно, на запястье часы дорожные.

– Сигарет нет, денег не дам, – буркнула она.

Но на всякий случай обворожительно улыбнулась.

– Да ты что, красавица! – возмутился парнишка. – Чтоб я – мужик! – у девчонок денег просил?!

Что-то знакомое почудилось Людмиле в его лице. Актер, что ли? Или в ток-шоу его видела?

– Как вы тут живете? – продолжал болтать парень. – Не район, а партизанская тропа, без навигатора не разберешься. Можешь мне показать, как до метро пройти?

– Всего-то? – усмехнулась Людмила.

Подошла к незнакомцу, встала рядом с ним на лестничной клетке, у окна. Деловито молвила:

– Дорожку между гаражами видишь? Сначала иди по ней, а потом...

Что-то сильное, страшное рвануло ее за плечи. Зазвенели осколки, в лицо полыхнуло ледяным воздухом. А в следующую долю секунды Людмила страшно

закричала... и поняла, что летит. В безнадежность, вниз.

Каким-то чудом ей удалось выхватить – последним, прощальным взглядом – лицо парня: тот стоял у окна, холодным взглядом провожал ее в последний путь.

И Людмила наконец вспомнила, что видела его – совсем не в ток-шоу.

Но рассказать об этом она уже никому не могла. Ее со страшной силой ударило о землю, и мир померк.

* * *

На сегодня у Аллы Сергеевны было назначено собеседование.

По счастью, собеседовали не ее (всякого рода экзаменов Аля безумно боялась). Наоборот. Подруга Верка попросила пообщаться с очередной кандидаткой.

Вера и Алла – настоящие лед и пламень. Смуглянка и блондинка. Сила и слабость. Непокоримая уверенность – и постоянные сомнения. Богатство и бедность, наконец. В сравнении с доходами Вериного мужа Аллин скромный достаток действительно выглядел почти нищетой.

Они дружат двенадцать лет, с первого курса института. И с самого начала повелось: Верка – неугасимая энергия, генератор, буря и вихрь. Постоянно что-то придумывает, влипает в истории, организует и добывает. Аллочка же – тихая гавань, куда изредка заходит пиратский Веркин корабль. Аля никогда не боролась за власть – добровольно передала бразды правления в руки подруги. Разве плохо, когда рядом человек, который возьмет на себя ответственность за любую проблему и всегда найдет выход из положения?

Впрочем, кое в чем Вера Аллочке уступала. И признавала это.

Во-первых, она оказалась абсолютно непригодна к домашнему хозяйству. Но это в современных условиях не великая проблема – особенно когда у тебя муж богатый.

Куда хуже было то, что Вера ничего не понимала в исполнителях. В тех, кто работал на нее. И проблем из-за этого возникало немало. Недавно, например, исчезла, прихватив с собой крупную сумму денег, «отличная домработница».

А год назад подруга попала в совсем тяжелую историю. Аля знала все детали, чрезвычайно Вере сочувствовала и прилагала все силы, чтобы ничего подобного не повторилось.

...Женщина, с которой они встречались в недорогом кафе, изо всех сил старалась произвести хорошее впечатление. Водрузила на стол сумочку с фирменным логотипом – слишком известным, чтоб быть настоящим. Когда держала вилку, манерно оттопыривала мизинчик, если звонил ее мобильный (розовенького цвета), строго бросала в трубку: «Перезвони мне позже, я сейчас на переговорах».

Она продемонстрировала все необходимые документы, уверенно сыпала терминами, обещала и гарантировала.

Аля в беседу не вмешивалась – тихонько сидела в сторонке.

И когда наконец дама удалилась (возле их столика еще долго витал душный аромат духов), уверенно произнесла:

– Никуда не годится.

– Да ладно! – опешила Вера. – А мне показалось, очень даже грамотная. Опытная. Ответственная!

Чуть не жалобно взглянула на подругу, добавила:

– Может, ты ошибаешься?

– Верка, – вздохнула Аля, – она лживая вся насквозь!

– А мне-то что? Я ж не замуж за нее собираюсь.

– Вер, да ты не понимаешь, что ли? В твоей ситуации нужен абсолютно надежный человек!

– Но мы ее проверяли. Паспорт – подлинный, не судима, не привлекалась...

– Господи, Верка, ну, разве только в этом дело?! – всплеснула руками Аля.

– Что ж. – Подруга мрачнела на глазах. – Очень жаль.

Алла не знала, как ее утешить. Только и оставалось, что пробормотать:

– Вера, пожалуйста. Не сдавайся. Ты такая сильная. У тебя все получится.

Но та лишь отмахнулась:

– Ох, Алька, брось. Ничего у меня, наверно, не выйдет.

* * *

– Игорек, вот твой кофе. – Супруга подала ему чашку, улыбнулась, деловито добавила: – Яичница будет готова через минуту.

Повернулась к плите.

– Спасибо, милая, – привычно поблагодарил он.

Взгляд уперся в царственно стройную спину жены. Как только умудряется, железная леди?! Утро, дождь, а она вся ладненькая, загорелая, свеженькая, будто только с курорта. В аккуратном домашнем костюмчике, причесанная, холеная. Настоящая кукла. С целлулоидным, неестественным личиком.

Вера никогда не рассказывала ему, какие косметические процедуры она посещает (и ходит ли к косметологу вообще), но Игорь не сомневался: одними массажами столь идеальной внешности не добьешься. И ногти у Верки слишком аккуратные, чтобы быть натуральными. Даже цвету глаз сделала апгрейд – были робко-голубые, стали, спасибо контактным линзам, ярко-синими.

«Радуйся, повезло тебе идеальную женщину найти», – дружно голосили коллеги и редкие друзья.

Но загадочна человеческая душа. Не получалось у Игоря радоваться своей образцово-показательной супруге. Особенно в последние годы. Надоело, что жену решительно не в чем упрекнуть. В гостиной, блин, леди, и готовить умеет, и в постели старается. И когда он по утрам выползает из спальни – в криво запахнутом халате, всклокоченный, злой на весь мир, – аккуратненько одетая и причесанная Верка поглядывает на него с таким превосходством, что хочется схватить ее за шею, сжать изо всей силы, чтоб заорала. Сунуть тщательно причесанную головушку под кран с ледяной водой, смыть с умащенного кремами да тониками лица благостную усмешку успешной, уверенной в себе дамочки.

...Впрочем, после чашки доброго кофе (а варить его жена умеет) и фирменной яишенки с болгарским перчиком и беконом Игорь всегда сменял утренний гнев на милость. Чем, собственно, он недоволен? Красивая женщина, и проблем с ней немного. Когда тратит его деньги, не зарывается, тещу в дом не тащит, ревностью не изводит, сама не гуляет.

Если б еще от бзика супругу избавить.

Веркин бзик – «Дорогой, нам с тобой обязательно нужен ребенок!» – Игоря уже изрядно утомил.

Сам он – в свои тридцать девять – заводить наследников не рвался, но раз уж законная супруга столь сильно этого желала, возражать не стал.

И даже поддался на ласковые Верочкины уговоры («Чтобы малыш был здоровым, мы с тобой – оба! – должны вести здоровый образ жизни!»). Бросил курить, сократил количество выпивки. Супружеский долг теперь исполнял не когда захочется, а по графику. И даже умудрялся не ржать, когда супруга сразу после секса изображала в постели «березку». Поначалу не сомневался, что Верочка – безупречная во всем, от создания дизайна в квартире до изящного очаровывания его деловых партнеров – и вопрос деторождения решит умело и в кратчайшие сроки.

Но, увы, произошел в безупречном с виду механизме сбой. Год они старались: пили витамины, загадывали, кем будет по гороскопу малыш, и совершенно зря. Беременности у жены не случилось.

Верка рьяно взялась за диагностику, бегала по врачам, а он – как положено любящему мужу – оплачивал счета, оказывал супруге моральную поддержку, а когда женушка стала тактично намекать, что иногда в бесплодии пары виноват мужчина, безропотно отправился в клинику, стоически вынес медицинский осмотр и даже вытерпел сдачу биоматериала.

По счастью, лично у него проблем не нашли. Никаких особых болезней не оказалось и у Веры. Подумаешь, крошечная киста, небольшой эндометриоз, некоторое – ввиду не самого юного возраста – снижение резерва яичников... Дамочки с куда более серьезными диагнозами спокойно беременеют и рожают.

А у них никак не получается. Игорь честно испил, по назначению докторов, курс витаминов и продолжил участвовать в Верочкиных играх. Хотя и усмехался про себя, когда та делала тесты на овуляцию или вдруг заявляла, что секс в этом месяце должен быть именно пятнадцатого числа, в обеденное время.

И хотя он был уверен, что дети – божий промысел, по расписанию не зачинаются, в угоду Верочке честно отменял переговоры и мчался домой исполнять супружеский долг.

Очень скоро мания жены начала его раздражать. Игорь неплохо изучил свою супругу и понимал: не то что Верке действительно хочется привести на землю новую жизнь, дети ее, он многократно замечал, скорее, раздражали. И сейчас жену просто задело: у всех – наследники есть, а у нее нет. У других (никчемных, необразованных, неухоженных!) баб получается, а у нее не выходит!

Перфекционистка несчастная! Во всем, ну абсолютно во всем старалась быть совершенной. Бесконечно улучшала, модифицировала, лепила идеальную фигуру и внешность. Ни грамма лишнего веса, ни единой морщинки, потрясающая стрижка, всегда розовенькие, ровно подведенные губки (специальную татуировку, что ли, сделала, как только умудрилась, что он даже не заметил?).

Еще и в карьере успешна. Когда-то, на заре их брака, Игорь подарил Вере «игрушку» – маленькое ателье (двести квадратов площади, четыре швейные машинки). Почти не сомневался: Верка наймет менеджера и будет наведываться в заведение раз в месяц денежку получать. Однако она вцепилась в «собственный бизнес» обеими цепкими лапками. И продвинулась – очень неплохо. Лет пять назад гордилась, что придумала рекламную акцию: «Приносите подшить две пары брюк – третью сделаем бесплатно!» А нынче у нее уже даже не ателье, а Дом моды, два раза в год представляют собственную коллекцию, и постоянные покупатели очень серьезные – топ-менеджеры, чиновники, банкиры.

Только ребенка не хватает.

Что ж. Раз не получается само – Вера без раздумий решила на ЭКО, то есть оплодотворение в пробирке.

Процедура оказалась дорогостоящей, хлопотной и болезненной. Жене ежедневно приходилось ездить в поликлинику на уколы, три раза в неделю – на УЗИ. Да еще от гормонов, что Верке кололи, у нее характер испортился окончательно. Хотя и уверяли доктора, что на настроение и поведение женщины лекарства никак не влияют. А может, не в лекарствах дело: просто злилась Верка из-за того, что процесс зачатия – у миллионов, миллиардов людей приятнейший и легкий! – для нее обратился в тягостную медицинскую манипуляцию. Почти в пытку.

Когда эмбрион наконец подсадили и нужно было две недели ждать, случится беременность или нет, Игорь благородно предложил:

– Давай я отпуск возьму. Махнем куда-нибудь на Сейшелы. Ты хоть расслабишься.

Но Вера округлила глаза:

– Ты что?! Лететь двенадцать часов куда-то в дикую страну! Там медицина вообще никакая!

– Но я помню, что говорили врачи, – продолжал увещевать он. – Летать тебе не запрещено, и медицинское наблюдение сейчас никакое не нужно. Пей себе

таблетки, да и все. Возьмешь их с собой.

– Нет, – покачала головой она. – Не хочу. Я только дергаться там буду, нервы тебе трепать. И что это за отпуск: пить нельзя, с аквалангом плавать нельзя!

– Как знаешь, – не стал настаивать Игорь.

Хотя – прояви он твердость! – в спокойной, умиротворенной атмосфере тропических островов, может, и прижился бы эмбрион. Но здесь, в Москве, Верка так дергалась, не спала ночами, мерила шагами их огромную квартиру, тоннами пила разрешенную валерьянку, что младенец, наверно, решил: не нужна ему столь нервная мамаша.

И тест на беременность спустя две недели оказался отрицательным.

Верка рвала и метала. Сменила клинику. Новый врач погнал ее на новые обследования. И обнаружил еще одну проблему: спайки внутри полости матки. Вызвал Верочку вместе с мужем и заявил: «Именно ваши спайки (на медицинском языке – синехии) мешают эмбриону прижиться. И даже если беременность произойдет, скорее всего, вы плод не доносите».

– А что же делать? – растерянно пробормотала Вера, и Игорю вдруг стало мучительно жалко свою идеальную, но такую несчастную женушку.

Врач покровительственно улыбнулся:

– По счастью, мы с вами живем в стране, где официально разрешено суррогатное материнство. Это, правда, недешевое удовольствие...

Но Вера (даже не взглянув на мужа) уже восклицала:

– Не волнуйтесь. Деньги у нас имеются.

А когда уже дома Игорь завел с ней разговор о нелепости, дикости ситуации – посторонняя женщина вынашивает для них ребенка, – жалобно захлопала глазами:

– А как еще?! Если по-другому у нас... у меня не получается?!

Он снова пошел на поводу у жены. И их пара – еще недавно почти идеальная – превратилась в треугольник. Третьей стала суррогатная мать их малыша, говорливая, шумная, чрезвычайно уверенная в себе украинка.

Игорь, едва только увидел ее, подумал: «Хоть бы ничего у тебя не получилось!»

Но нет: женщина с первой же попытки забеременела. И Верка с каждым новым УЗИ все больше расцветала. Летала, будто на крыльях, щебетала, как счастливая птичка. А потом произошло страшное...

* * *

Вот как эти люди с их куриными-то мозгами богачами становятся – для нее всегда загадкой было. Очень удивительно: при должностях, на машинах хороших, но дальше носа своего не видят. Она притворяется, откровенно, в наглую, – а эти дурачки на нее преданным, собачьим взором смотрят: спасительница! Мамочка их кровиночки! Скольких она уже развела – счету не поддается.

Ее должность в трудовую книжку не запишешь, нет официально такой профессии – чужих детей в своем брюхе таскать. Но только она в этом бизнесе уже седьмой год, и двоих младенцев (хрен знает, что с ними теперь) действительно родила. С остальными заказчиками – их больше десятка было – до роддома дело не дошло. Оно ей надо? Чтоб живот огромный, растяжки, целлюлит, одышка, волосы сыпались? А еще в последние годы такая тенденция: обязательно располосовать. Элита, блин! Начитались, что кесарево надежней. При естественных родах дитя якобы подпортиться может. Асфиксия, обвитие, получится какой-нибудь дурачок – а деньги-то плачены немалые. Что исполнитель на всю жизнь останется со шрамом – никого не волнует. Свинство, ее такой подход бесил ужасно. К тому ж, если позволишь брюхо разрезать, с непыльной работенкой можно попрощаться. Техника безопасности, чтоб ее. Рубец на матке снижает вероятность успеха.

Для суррогатных матерей вообще ограничений придумано выше крыши. Чтоб молодая, не болела ничем, не пила, не курила, чтоб свой ребенок был

обязательно здоровый. Где только взять таких идеальных? Агентства, что в их деле крутятся, могут сколько угодно врать: что селекционируют мамашек, как отборных скакунов. А на деле (она на агентство тоже когда-то работала) – кого угодно берут. И с удовольствием помогают фальшивые справки оформлять. Ни за что, короче, деньги гребут – и с заказчиков, и с мамашек суррогатных.

Она давно уже сбежала от таких работодателей на вольные хлеба. Паслась на сайтах, где бездетные собирались. Вывешивала трогательные объявления: «Помогу вам стать родителями! Молода, здорова, ответственна, доброжелательна. Понимаю, как вам тяжело, и дорого не возьму».

От заказчиков отбоя не было. А что? Цена ниже, чем в агентстве, почти на четверть. И, главное, умела она сыграть роль: тихенькой, серьезной, безответной. Специальные наряды приобрела, чтоб заказчикам понравиться – платья в пол, платочек на голову. Всегда, прежде чем на встречу отправиться, намывалась по часу. Чтоб, не дай бог, табачный запах не унюхали. Зубы отдраивала от налета, антиполицай рассасывала. Красиво врала, что ненавидит спиртное. Показывала фотокарточки якобы сына (в Интернете нашла обаятельного мальчишку и скачала).

Медицинское обследование, правда, приходилось проходить, от этого никуда не денешься. Но, по счастью, забойных болезней, типа сифилиса или СПИДа, у нее не было. Уреаплазму вылечила. Зато сдавать кровь на венерический лимфогранулематоз не заставляли – болезнь редкая, анализ недешевый. Да и откуда у примерной девицы, глаза долу, в платочке – взяться венерическому заболеванию, которым чаще всего азиаты болеют? (От одного индуса, красивого, как бог, и заразилась.)

Тоже, кстати, пример людской глупости. Гонорар для сурмамы – на круг больше миллиона – народ выплатить готов. А на обследованиях экономят.

...Она объехала с «гастролями» уже почти всю страну. Городов-миллионников в России хватает. Везде разводила по парочке лохов и переезжала в другое место.

В Москве, правда, решила задержаться. В прошлый раз в патриархальном Волгограде ей аванс всего пятьдесят тысяч дали. А в сытой столице – деньги совсем другие. Но народ не умней.

Она очаровала очередных простачков, забеременела. Кормила их сказками, что любит младенчика даже больше, чем собственного сынулю. С удовольствием лопала фрукты и прочую полезную пищу, благодарно приняла абонемент в бассейн. Смекнула – чутье у нее уже звериное! – что в квартире, для нее снятой, установлены видеокамеры, и пивком-сигареткой баловалась только на улице.

Что дите родится с лимфогранулематозом, ее не смущало. Пока чего заподозрят, анализ сделают – она уже скрыться успеет.

Случилось, правда, по-другому: когда беременности было двадцать недель, ребенок сам вышел. Врачи потом объяснили: при лимфогранулематозе выкидыш – дело обычное.

Ну, ей же легче.

На страдания заказчиков решительно наплевать. Из-за другого расстраивалась – что итогового гонорара не досталось. Хотя тоже ничего. Она пока молода. Успеет развести еще с десяток доверчивых простаков.

А там, можно и на пенсию. Она, пусть любила иногда гульнуть, денежку копить умела. И вкладывала грамотно: понемножку, в долларах, в разные банки, на длинные депозиты. Специально выбирала такие, где досрочное расторжение договора со штрафом, чтоб искушения снять сбережения не было.

Может даже – ха! – на старости лет собственного ребеночка завести? Типа того безвестного симпатяги, чью фотографию она (для заказчиков!) в кошелечке под целлофаном таскала? Хотя нет, ну его. Достали ее уже дети – во всех видах! – за долгие годы работы.

* * *

Зеркало в стиль начальственного кабинета никак не вписывалось, поэтому любоваться на себя приходилось в будуаре – так Милена Михайловна именovala двухметровую подсобку. Здесь она переодевалась из уличной одежды в элегантную униформу. Коротко – в гарантированном одиночестве! – переводила дух. И если лицо выглядело совсем уж измотанным – накладывала экспресс-маску. Или делала быстрый массаж кубиком льда. На более серьезные

косметические изыски времени не хватало.

Тяжело, конечно, жить в постоянном цейтноте. Но будь у Милены возможность бездельничать, порхать беспечной бабочкой из бутика в косметический салон – она бы не согласилась. Когда женщина при деле, у нее и глаз по-другому горит. И старость приходит позже. В том числе и потому, что мозг в постоянном тонусе, то одну задачу приходится решать, то другую.

А сфера деятельности у кандидата наук Милены Михайловны Лавровой наисерьезнейшая. Репродуктивная медицина, что может быть более непредсказуемо и интересно! Тут тебе и моральное удовлетворение – когда у безнадежно бесплодных пар вдруг появлялся с ее помощью ребенок. И хорошие деньги, конечно. Иные клиники репродукции старались числом брать – заманивали как можно больше пациентов, пусть даже не слишком кредитоспособных, обрушивали на них бонусы-скидки, работали на устаревших, с множеством побочных эффектов, лекарствах. Милена Михайловна такой конвейер не жаловала. У ее медицинского центра другой конек. Каждый пациент уникален, каждый случай – штучный. Самые современные технологии. Лучшее в столице оборудование для предимплантационной диагностики. Авторский метод микроскопического анализа качества сперматозоидов. Новейшие биологические среды для культивирования эмбрионов. И – как следствие! – самая впечатляющая в Москве статистика. Больше половины пар получали в ее клинике ребенка с первой попытки!

Приятно, черт возьми! Сарафанное радио работало исправно, клиенты становились все серьезней, все богаче. А когда в «дикую Россию» приехали на ЭКО из успешного английского Оксфорда, Милена даже пресс-конференцию собрала.

Она любила работать именно с богатыми. И не только потому, что те гарантированно оплатят счет. Милена давно уже вывела закономерность: когда у клиента статья расходов на ребенка идет строкой в череде других, наряду с новым авто представительского класса или яхтой, процент успеха гораздо выше. А когда являлась в клинику пара – делать ребенка на последние деньги! – очень часто беднякам не везло. Тут как в казино: кто над копеечкой не трясется, тот и выигрывает. А если пациенты зажаты, зациклены на деньгах – фортуна криво ухмыляется и аиста не присылает. Как бы врачи ни старались.

Беременность вообще суть событие мистическое. Милена обязательно рассказывала своим пациентам про одну даму. Та делала ЭКО – в том числе в ее клинике – семнадцать раз. Заработала кучу болячек, безнадежно истрепала себе и супругу нервы. Наконец, в сорок два, смирилась, что ребенка у нее не будет. Выбросила прочь полезные травяные чаи, отставила вегетарианство, с удовольствием закурила, начала выпивать... и вдруг забеременела. Сама! Безо всяких репродуктивных технологий.

Так что в деле ЭКО очень важно уметь «голову отключить», а не думать круглыми сутками только о беременности. И еще нужно не слишком погружаться в вопросы морали. А то нет хуже, когда пациент начинает страдать, задумываться над философским: угодно ли Богу, что у меня ребенок из пробирки? Допустимо ли замораживать и хранить лишние эмбрионы?

Милена подобные разговоры не выносила на дух и старалась таких сомневающих в программе ЭКО вообще не брать. Ей куда больше нравились пациенты, кто твердо знает, чего хочет, и идет к своей цели напролом. Недавно, например, – за очень хорошие деньги! – помогла стать мамами (именно так, во множественном числе!) лесбийской паре. Сперму взяли из европейского банка доноров. Одна из женщин предоставила свою яйцеклетку, вторая – выносила беременность. И ребеночек (девочка) получился по-настоящему общим. Похож, что удивительно, оказался на обеих мам. Даже больше на ту, что беременной ходила – тот же цвет, разрез глаз, ямочка на подбородке, родинка на щеке... И после этого генетики смеют уверять, что женщина, которая ребенка вынашивает, никаких своих черт ему не передает!

Но рождение детей, повторимся, не столько наука, сколько искусство. Приносящее тому, кто им занимается, немалые бонусы. Не только материального – мистического плана. Милена (будь у нее свободное время) давно бы исследование провела. Под условным названием: «Зависимость молодости от места работы». И главным объектом исследования – очень показательным! – пригласила бы двух своих однокурсниц. Близняшек. Одна из них – уже десять лет акушер-гинеколог в роддоме. Вторая работает в морге. И выглядят они – как дочка с матерью, ей-богу!

Когда изо дня в день провожаешь с Земли ушедших – они с собой частичку молодости-красоты забирают. А когда, наоборот, приводишь на планету новых людей – они с тобой своей юностью-свежестью делятся.

...Милена Михайловна работала с младенцами и поэтому выглядела прекрасно.

* * *

– Милена Михайловна, мне рекомендовали вашу клинику и лично вас – как человека, который творит чудеса.

Мужчина. Немолодой. Очень обеспеченный. (За окном – хищное рыльце «Бентли» и джипчик с охраной.)

А вот жена не присутствует. Неужели дядечка, как один известный певец, желает получить ребеночка в единоличное пользование? От донорской яйцеклетки и суррогатной матери?

Хотя нет. Не похоже.

И угадала.

– Мы с женой много лет хотим детей, безуспешно лечимся и хотели бы сделать ЭКО именно в вашей клинике. Но я решил прежде, чем воспользоваться вашими услугами, прояснить один принципиальный момент. Вы видите, я немолод. Супруга, к сожалению, тоже. А вы, конечно, не хуже меня знаете статистику рождения больных детей у возрастных пар. Но я – категорически, ни под каким видом – не хочу воспитывать инвалида. Больше всего на свете я боюсь, что у моего ребенка будет синдром Дауна. Или муковисцидоз.

– Ну, не все так страшно, – улыбнулась Милена Михайловна. – У многих пар, кто куда старше вас, рождаются совершенно здоровые дети.

Мужчина пронизательно взглянул на нее:

– И тем не менее. Я не хочу полагаться на случай. Я готов пойти на любые обследования и заплатить любые деньги. Но ребенок мне нужен идеальный. Пожалуйста, приложите к этому все свои силы.

* * *

Погодка первого сентября выдалась звонкой, солнечной. Небо – будто в мае, ярко-голубое. И даже воробьи сегодня чирикали с оптимизмом, без осенней печали.

Аля стояла на пороге дочкиной комнаты и улыбалась. Большой человек, первоклассница, в пижамке с изображением куклы «Винкс» безмятежно посапывала, прижимая к себе плюшевого дракончика.

– Заинька, – ласково позвала Аля, – просыпайся! Нам с тобой пора в школу!

Дочка тут же распахнула глаза, просияла, выкрикнула:

– Ура! Уже первое сентября!

Пулей выскочила из постели, начала торопливо одеваться.

В комнату заглянул Василий. Подмигнул жене, усмехнулся:

– Чтоб я когда-нибудь на работу с такой скоростью собирался!

– А мне тоже не терпится в школу. Соскучилась по своим охламонам! – призналась Аля.

– Счастливые вы у меня, – Вася подхватил дочку, свободной рукой обнял жену. – Лично мне в офис не хочется ни капли. Но надо.

– Что делать, папуль, – философски изрекла Настенька. – Деньги – они никогда легко не достаются.

Василий с Алей дружно прыснули.

– Отвезешь нас на линейку? – уточнила Аля.

– Конечно. До начала торгов я в полном вашем распоряжении, – заверил ее муж.

– А ты уже ел мои пирожки? – встряла Настенька.

– Нет, милая. Только предвкушаю.

Аля послала супругу сочувственный взгляд. В начинку для своих кулинарных изделий девочка напихала множество ингредиентов – от орехов до куриной приправы. Матери удалось от угощения отбиться (слово «диета» дочка понимала и уважала), но вот с папы было взято слово, что он обязательно съест парочку пирожков с утренним кофе.

«Господи, какая же я счастливая! – мимолетно мелькнуло у Аллы. – Успешный муж, красавица-дочка, любимая работа...»

– Признавайся, Настена. Дрожишь перед первым школьным днем? – обратился к дочке Василий.

– Ни капельки! – возмутилась та.

– Ой, а когда я шла в первый класс, меня даже тошнило от страха, – не слишком педагогично добавила Алла.

– Ну, ты известная трусиха, – снисходительно улыбнулся муж. – А Настенька смелая. В меня пошла.

Дочка хихикнула. Призналась:

– У меня только в животе немножко холодно.

Но, когда подъехали к гимназии, за спины родителей жаться и не подумала. Даже ладошку выдернула из маминой руки:

– Что я, маленькая?!

Кругом сутолока, музыка из динамиков гремит, кто-то из будущих первоклассников плачет, а Настюшка ловко протискивается через толпу, тащит родителей за собой:

– Вон, табличка первый «А», видите?

Мордаха беспечная, глаза весело блестят.

«Действительно, смелая. Васькины гены, – мелькнуло у Аллы. – И хорошо! Не дай бог, было бы как у меня: когда все новое, сразу ступор».

Она даже сейчас – хотя работает в школе почти десять лет! – чувствовала себя немного не в своей тарелке. Рада, конечно, что встретится со своими любимыми учениками, теперь уже не восьмым, а девятым «Б», но и нервничает: как все пойдет, как сложится? Ребята за лето выросли, изменились. Девчонки тут же уставятся на нее во все глаза («Не появилась ли у училки за лето пара-другая морщинок?»). Парни тоже станут поглядывать, кто украдкой, кто в наглую. В шестнадцать лет мальчишки все во власти эротических фантазий.

Алла прилагала все силы, чтобы пресечь романтические мечтания своих подопечных.

Почти всегда ей это удавалось.

Но иногда случался, как иронизировал муж Василий, «педагогический брак».

...Не успела Аля передать дочку своей коллеге, классной руководительнице первого «А», как путь ей преградил Кирилл Бодрых. Высоченный, весь из острых углов, прошлогодний выпускник. Профессиональный спортсмен, теннисист.

– Кирюш, ты чего здесь? Ностальгия замучила? – ласково обратилась к нему Алла Сергеевна.

Хотя понимала: ностальгия по школе — здесь совсем ни при чем.

Парень запунцовел – как всегда, когда вступал с ней в разговор. Неловко вытащил из-за спины букет, протянул, буркнул нелюбезно:

– Вот, Алла Сергеевна. Вам.

И не дежурные ведь гладиолусы – семнадцать алых роз!

Аля ужасно смутилась. Нашел время! На виду у всей школы! А Василий, интересно, видит?

К счастью, муж стоял к ней спиной и оживленно болтал с Гретой Германовной – учительницей немецкого.

– Кирилл, ну зачем ты? – с укором произнесла Аля.

Парень поборол смущение, широко улыбнулся:

– Ничего не мог с собой поделаться. Привычка сверху нам дана!

– «Свыше», – машинально поправила Алла Сергеевна.

Улыбнулась, добавила:

– Хотя что тебе теперь школьная программа! Рад, что свободен?

– Что от учебы избавился – просто счастлив! – с чувством отозвался парень. – А без вас очень скучаю. Каждую ночь мне снится...

– Будем считать, что последней фразы я не слышала, – вздохнула она. – Расскажи лучше, как у тебя дела.

– Да хреново, пардон за французский, – поморщился парень. – Ничего не получается. Побьюсь еще пару месяцев, и в отставку. В тренеры перейду. Хоть зарплата нормальная будет.

– Не вздумай сдаваться! – возмутилась она. – Какая отставка?! Семнадцать лет, у тебя еще все впереди!

– Да бросьте вы, – вздохнул тот. – Борька Беккер в семнадцать лет уже Уимблдон выиграл. А я с открытого чемпионата Твери вылетел. В полуфинале.

– А Эйнштейн до четырех лет вообще молчал, – парировала Алла. – И школьные учителя ему в лицо говорили: ничего путного из тебя не выйдет.

Лицо Кирилла осветила улыбка:

– Значит, Эйнштейну с учителями не повезло. Не то что мне.

– Все, Кирюша, – строго молвила Алла Сергеевна. – Иди. Мне на линейку пора.

Нашел же парень место и время для изъяснения чувств! Нынешние ее питомцы, девятый «Б», конечно, уже заметили, дружно сворачивают шеи. И Вася тоже увидел, поглядывает без улыбки. Когда Аля подошла к мужу, едко поинтересовался:

– Твой Ромео никак не успокоится?

– Васенька, – виновато улыбнулась она. – Да мне самой неловко! Но – формально! – в чем его можно обвинить? Что учительнице своей бывшей первого сентября цветы подарил? Не волнуйся ты. Сейчас закрутит его взрослая жизнь. Забудет.

– Может, в пятак ему дать? – беззлобно проворчал Вася. – Чисто для профилактики?!

– Только попробуй.

– И пробовать не буду, – усмехнулся муж. – Всех-то не перебьешь! – кивнул в сторону ее девятого «Б». – У тебя ж вон еще добрый десяток воздыхателей! Несправедливо. У меня-то – одна-единственная секретарша...

Вася, конечно, шутил, да и его секретаршу (даму изрядно за сорок) Аля прекрасно знала и не опасалась.

И вообще в их паре точно как в живой природе. Красавец-селезень – муж. И милая, но скучно-серенькая уточка. Она. Школьники в Алю, конечно, влюбляются (как и во всех мало-мальски симпатичных учительниц). Но если, допустим, они с мужем на отдыхе или просто по улице рядом идут, на него – видного, яркого, стройного – прямо шквал женских взглядов. А на нее, дай бог, какой-нибудь пенсионер покосится. Или джигит.

Опасное сочетание: видный, знающий себе цену мужчина – и самая обычная жена.

Аллочкина мама (когда только развивался у дочки роман с красавцем-студентом) говорила, что чует: Васька – ходок еще тот. И предрекала новой ячейке общества сплошные скандалы и скорый развод. Однако ошиблась. Вася поклонение дам с удовольствием принимал, от белых танцев, если приглашали, не отказывался, на заигрыванья – отвечал. Аля сначала обижалась, нервничала. Но муж оправдываться даже не пытался. Улыбался обезоруживающе: «Алечка, солнышко. Ну, что ты злишься? Неужели не понимаешь? Я, прости за наглую аналогию, как соловей. Пою для всех, люблю одну. Тебя. И живу – с тобой».

Аля никогда не лазила по его карманам, не рылась в мужнином столе, не подслушивала по параллельной линии телефонные разговоры. Однако за супругом приглядывала. Но придраться было не к чему: после работы Василий честно спешил домой. Если уходил повидаться с другом, обязательно говорил, с кем именно, и даже в какой ресторан они отправятся. В отпуск всегда ездили вместе. Пару раз Аля (как в анекдоте) неожиданно возвращалась домой, и Вася всегда был один и искренне ей радовался. В итоге пришлось признать: или муж великий артист, или, безусловно, предан семье.

А уж когда Вася стал зарабатывать не просто на жизнь, но немножко и на излишества, они совсем хорошо зажили. Отпуска в романтических местах, безропотная покупка шубки, посудомоечной машины, автомобиля. А многим ли серым уточкам мужья по воскресеньям приносят кофе в постель? Часто ли благоверным приходит в голову на Восьмое марта не отделяться с кислой миной букетиком, но увеличить, вставить в красивую рамку и повесить на стенку в гостиной удачную женину фотографию?

...И сейчас, стоя во главе своего девятого «Б» на торжественной линейке, Аля поглядывала то на красавицу-дочку в рядах первоклассников, то на эффектного, в отлично сидящем костюме мужа и чувствовала себя такой счастливой!

Все у нее и в личной жизни хорошо, и в профессии. И в стране дела вроде на лад идут. Так приятно видеть лица у школьников – умненькие, одухотворенные. Не сравнить, как было восемь лет назад, когда она оказалась на практике в государственной школе. Аля, тогда молодая специалистка, просто терялась. Потому что никак не получалось вырвать учеников из апатии, заинтересовать хоть чем-то, отличным от компьютерных «Симпсонов» и карточного «бур-козла».

Но все же и тогда сумела она наладить контакт, увлечь, повести за собой. После того как три урока кряду вместо школьной программы все переводили ухватившую «Оскар» песню рэпера Эминема «Look.. If you had.. One shot...». Хотя Аля ненавидела рэп всей душой и считала, что песня Эминема – худшее, что было в «Зеленой миле». А дальше, по шажочку, перешли к «Битлз», Робин Гуду, Джерому, Агате Кристи, даже на Шекспира замахивались. И подружилась с учениками – прямо фильм в жанре соцреализма, а не убогая школа в Бутове в начале двухтысячных.

Закончилась, правда, Алина практика совсем несчастливо, но она научилась не вспоминать о печальном. Гнала горькие мысли от себя. Смирилась с фатумом, с роком. И поверила, что то был действительно фатум. Если тысячу, сто тысяч раз повторишь себе: «Ты невиновна!» – сама начнешь верить, что ничего сделать было нельзя. Она не виновата.

Алла попыталась отогнать неприятные воспоминания, но иголка уже проникла в мозг, понеслись мысли: «Сколько бы ему сейчас было? Двадцать. Третий курс. Бегал бы на свидания. Жениться бы уже мог...»

...Вася перехватил ее расстроенный взгляд. Отвернулся от одиноких родительниц, что поедали его взглядами. Послал жене воздушный поцелуй, провел большим пальцем по кончику носа – снизу вверх. Всегда так делал, когда хотел подбодрить ее или Настену.

Алла благодарно улыбнулась. А муж тоже в улыбке расплылся, машет ей: мол, смотри.

И оба, растроганно улыбаясь, уставились на свою изящную, в белом платье, дочку. Девочка важно восседала на плече у дюжего одиннадцатиклассника и сосредоточенно трясла серебряным колокольчиком.

Новый учебный год начался.

* * *

Новый учебный год начался в школах, колледжах, институтах. Даже в детских садах – вчера соседка ужасалась – родителям велели, чтоб малыши явились первого сентября в парадной форме.

А Митькин портфель так и валяется на кровати. Она не стала его разбирать. Лежат в ранце изрядно потертый «Гарри Поттер и кубок огня», пара тетрадей – с обложек обеих хищно улыбался Шварценеггер, ручки, карандаши, давно выцветшая обложка от жвачки.

Уже не было давешнего вечного ужаса, всепоглощающей тоски. Просто грустное удивление. От того, что парень, игравший Гарри Поттера в кино, давно вырос в симпатичного мужчину. И Шварценеггер жив. И жвачка продолжает выпускаться точно в такой же обложке. Только Митькиного мира больше не существует.

Она до сих пор писала сыну письма. Грустные, веселые или просто короткие записочки: «Не забудь. В холодильнике на второй полке котлеты».

А потом – ничего не могла с собой поделаться! – возвращалась домой, входила в кухню, с замиранием сердца бросала взгляд в раковину. Не окажется ли там грязная тарелка? Дальше открывала дверцу холодильника. Вдруг котлетка все же съедена, а посуду Митя за собой вымыл?

В рай, ад, переселение душ несчастная мать не верила. Гораздо легче было думать, что Митька где-то здесь, на планете. Не его душа в ком-то, но именно он сам. Упрямый. Трогательный. Вихрастый. Самый лучший в мире.

Она давно растеряла всех подруг. Точнее, это подруги бежали от нее, будто от прокаженной. Самая откровенная на прощанье высказалась: «С тобой теперь дружить опасно. Своего ребенка потеряла – еще чужих сглазишь».

Единственная приятельница – бездетная – навевалась к ней нечасто, от силы раз в месяц. Приносила лекарства, еду. Давала деньги. Безропотно слушала о Мите, как всегда, только о нем.

А все остальные, из-за кого погиб ее мальчик, уже давно и не вспоминали об ее сыне. Даже непосредственные виновники отмотали не слишком обременительные сроки и вышли на свободу. Двое из них снова в школах

работают.

Ее история – как и она сама – давно в архиве.

...Митька – сын тогда был совсем маленьким – ей однажды сказал: «Мам, даже если я умру, ты не расстраивайся. Я все равно к тебе приду. Ты только дождись».

Тогда она рассердилась. Строго-настрога запретила мальчишке рассуждать о смерти. Но теперь каждый день вспоминала его слова. И каждый день его ждала.

* * *

Вопреки угрозам психологов (Аля о стрессе первого школьного дня прочитала изрядно), Настенька вышла с занятий в прекраснейшем настроении. Заявила:

– Школа, мам, куда лучше, чем детский сад!

– И чем же?

– Хотя бы спать днем не надо, – серьезно отозвалась Настя.

И улыбнулась лукаво:

– Ну, что? Наш с тобой рабочий день закончен? Пойдем теперь праздновать?

...По поводу того, где отмечать первое сентября, накануне вышел спор.

Алла настаивала: праздновать день знаний надо дома. Она прекрасно помнила с институтской еще практики в летнем лагере, что творится в общественной столовой. Упал кусок мяса – подняли и в суп. Вымыть овощи (кроме, может быть, картошки) никому даже в голову не приходит. Поэтому есть в ресторанах безговала.

Настенька (как и муж, большая любительница общепита) попыталась протестовать. Пришлось ее заинтересовывать, пообещать дочке, что они вместе с ней сделают «креативные бутерброды».

– Это как? – заинтересовалась девочка.

– А ты не знаешь? Из еды любое животное можно соорудить. Из колбасы – поросенка. Из сыра – птичку. Глаза – оливки, нос – маслина. И вкусно, и необычно.

– Отличная идея! – одобрил муж. И попросил: – Только медведя не вздумайте сделать.

– Ох, суеверные вы, брокеры, – улыбнулась Аля.

Дочка же (она тоже прекрасно знала, что медведь – это когда акции падают) загорелась:

– Мам! А ты быка меня делать научишь?

В «Занимательной кулинарии» про быка ничего не рассказывалось, но Аля пообещала.

И очень неплохая получилась у них с дочкой импровизация: грозные маслины глаз, лихо изогнутые рога из копченого сыра, даже изящное кольцо в носу – из лукового колечка.

Настя с удовольствием водрузила блюдо с бутербродом-быком в центр стола, произнесла мечтательно:

– Мощный получился! Акции как начнут завтра расти! Папка, точно, столько наторгует, что мы в Диснейленд сможем поехать!

– Доча, он же не на свои деньги играет, – напомнила Аля.

Но Настя упорствовала:

– Значит, банку своему принесет огромную прибыль, получит премию, и вы все равно повезете меня в Диснейленд!

Аля фыркнула. Взглянула на часы – почти семь. Вася должен быть с минуты на минуту – он обещал сегодня не задерживаться.

Она поставила в холодильник вино слегка охладить, как муж любит. И – пока было время – занялась цветами. Все они, не разобранные, теснились по обеим комнатам в ведрах и трехлитровых банках.

Кто-то, может, завидует учителям, когда те сгибаются первого сентября под грудой букетов. Сама Аля считала обязательные цветочные подношения страшной дикостью. Бедные родители! Платят в добровольно-принудительном порядке огромные деньги. Да еще между собой соревнуются – кто больше перед педагогами своих чад любимых прогнется.

Но Алла – за почти десять лет работы! – вывела четкую закономерность: первосентябрьские цветы живут гораздо меньше любых других букетов. Как за ними ни ухаживай, уже на второй день начинают опускать головки. То ли торговцы ажиотажем пользуются, сбывают некачественный товар – то ли короток век от того, что дарятся букеты по принуждению, не от души.

Аля склонялась к второму – эзотерическому – объяснению. Дежурные школьные букеты уже сейчас, к вечеру, подвяли, а те семнадцать алых роз, что вручил ей Кирилл, смотрелись просто великолепно.

Алла не стала объединять его цветы с остальными розами – поставила отдельно.

Задумалась. На сколько, интересно, хватит Кириллу его мальчишеской влюбленности?

С девятого класса – то есть уже четвертый год – он на нее смотрит преданными, телячьими глазами. Обычно в учительниц влюбляются ребята не от мира сего – худосочные, мечтательные очкарики. У Кирилла, однако, совсем другой типаж. Спортсмен, уверен в себе, на язык остер. И девочки на него всегда поглядывали. Но Кирюшу будто заклинило. По счастью, в любви он ей объяснился единственный раз – больше Аля не позволила. И уж, тем паче, парень не распускал рук и не требовал выходить за него замуж. Страдал на расстоянии. Но

все равно неловко.

Аля надеялась, что хотя бы сейчас, когда школа позади, Кирилл избавится от своего наваждения. Но нет, пока не случилось...

– Мам! – Настя оторвала ее от размышлений. – А чего папы так долго нет?

Ничего себе – Аля снова бросила взгляд на часы – увлеклась! Уже половина девятого!

Где же Вася?

– Позвони ему, – попросила она дочку.

Сама не стала, пусть лучше Настя задает столь нелюбимый всеми мужчинами вопрос: «Ты где?»

Однако Настя растерянно отложила телефон, доложила:

– Выключен или вне зоны действия...

Тут уж Аля забеспокоилась. Набрала номер сама – действительно, абонент недоступен. Села батарейка? Попал в пробку и спустился в метро? Или... что-то случилось? Потому и не может ответить?!

Водит Вася довольно опасно, особенно когда в машине один. А если его кто подрежет, может и вовсе вспылить. Начнет обгонять, «учить». Сколько Аля его ни убеждала, что нельзя рисковать, мужа не переубедишь. Заведется – все, конец.

Ладно, не будем о грустном. Может, он на работе задержался? А не звонит потому, что увлекся, Васька такой.

Аля пару секунд поколебалась, но все же позвонила по единому номеру банка, где работал супруг. Его добавочный, конечно, не ответил. Пришлось снова набирать, ждать, пока отзовется оператор или, по позднему времени, охранник.

Стражи, разумеется, не обязаны докладывать, во сколько ушел тот или иной сотрудник, но Алле попался любезный.

– Кузовлев Василий Петрович? Сейчас посмотрю... В четырнадцать сорок отбыл.

– Как в четырнадцать сорок? – опешила Аля. – Это он, наверно, обедать ходил.

– Нет, – уверенно отрапортовал охранник, – с концами.

– Спасибо, – растерянно поблагодарила Аля.

Снова набрала номер мужа: по-прежнему недоступен.

Времени – половина десятого вечера.

Позвонить Васиному начальнику? Совсем неудобно.

Его матери? Еще больше не хочется. Аля так и слышала скрипучий, обличающий голос свекрови: «Откуда я могу знать, где находится твой муж?»

Да и с чего бы Ваське сегодня – в дочкин праздник! – ехать к мамочке?

С Артёмом загуляли?

Вероятность, что муж посреди рабочей недели вдруг пустится в загул, конечно, мизерная, но Васькин институтский приятель (и собутыльник нынешних дней) хотя бы идею может подкинуть: что ей сейчас делать, куда бежать.

И действительно, Артём своим спокойным, рассудительным голосом вдохнул в нее уверенность:

– Аля, ну что ты всполошилась, будто клуша? Мало ли где мужчина может задержаться? Я тебе с ходу миллион версий предложу. Развернулся через две сплошные и объясняется с гаишниками, выбирает тебе бриллиант, сопровождает шефа на переговорах, покупает обои, делает маникюр, подбирает к любимой рубашке новый галстук... Впрочем, можешь позвонить в бюро

несчастных случаев. Для собственного успокоения. Но я тебя уверяю: ничего с твоим котом Васькой страшного не происходит. Найдется в самое ближайшее время. Можешь ему глаза выцарапать. Передай, что я разрешил.

«И ведь выцарапаю!» – зло подумала Аля.

Бутерброд в виде медведя безнадежно засох, Настя сидит насупленная, на глазах слезы.

– Пойдем, доченька, я тебя спать уложу, – твердо произнесла Алла.

– А... папа?

– Папа придет.

– Я буду его ждать, – упрямо пообещала дочка.

И – артистка! – битый час лежала тихонько с закрытыми глазами. Но веки подрагивали. Уснула по-настоящему только в начале двенадцатого. Завтра, значит, пойдет в школу не выспавшейся, тоже спасибо муженьку.

...К часу ночи Алла уже знала, что аварий с машиной мужа зарегистрировано не было, ни в одну из больниц города, а также, упаси господи, в морги он не поступал. А в половине второго – когда она в тысячный, наверно, раз набрала его номер – в телефоне вместо металлического голоса робота раздались длинные гудки.

Сердце радостно трепыхнулось.

Третий гудок, шестой, десятый... неужели включится автоответчик? Но нет. Щелчок. Установилось соединение.

Музыка. Шум. Пьяные голоса. Женский визг. Где он, черт возьми?

– Вася! – выкрикнула Аля.

Чей-то вздох. Веселый дамский голосок:

– Зайка! Хочу шампусика.

И – короткие гудки.

Она тут же набрала номер снова, но уже знала, что сейчас услышит: «Абонент временно недоступен».

Да что ж такое! У Василия телефон украли?

Но только женский голос – тот, что просил шампанского... он... он очень похож на Гретин. Грета Германовна – молодящаяся, самоуверенная красотка. Преподаватель немецкого из их гимназии. Васька сегодня на линейке как раз с ней оживленно болтал!

«Аля, прекрати, – осадила себя она. – Что за бред?! С какой стати вдруг Василий будет проводить время с Гретой? Он просто кокетничал с ней утром, распушал перья!»

Но только уже какой-то невроз начался. Алле казалось, будто она помнит – теперь! – как многозначительно поглядывала Грета на Васю. «Немка» все время старалась встать к нему поближе, вроде как случайно задеть его руку своей. И слухи, что ходили про учительницу, вспомнились: будто у той и с физруком отношения, и с отцом кого-то из учеников. В два часа ночи, когда муж неизвестно где, нервы у любой будут на взводе.

И Алла сорвалась. Спасибо, хоть хватило ума не звонить Грете с домашнего или с сотового. Но не поленилась ведь спуститься на улицу, пробежать пару кварталов до единственного на весь район сохранившегося телефона-автомата. И набрала Гретин номер.

Та отозвалась – совершенно заспанным, злющим голосом – на одиннадцатом гудке. Аля, конечно, швырнула трубку. Помчалась домой. И стыдно было за то, что разбудила человека, за собственную глупую ревность. И радостно, что если Вася ей изменяет, то хотя бы не с противнейшей Гретой Германовной.

Но неужели Василий действительно банально загулял? С «одноразовой» женщиной в дочкин праздник?! Аля никак не могла в это поверить.

А вот то, что муж мог сорваться — она, к сожалению, допускала.

Вася ни в коем случае не был алкоголиком. Но иногда находило на него: пропустит свою норму, и понеслось. Только бы бед не натворил, как однажды на отдыхе в Турции, в отеле. Когда хитро улыбнулся да и выбил из рук у официанта блюдо с красиво сервированным омаром. Тот атаки не ожидал, оступился, грохнулся в бассейн... В общем, безобразная получилась сцена. И улаживать ситуацию, чтоб турки в полицию благоверного не сдали, тогда пришлось ей.

«Но сейчас, если он что-нибудь такое учудил, пусть и не надеется!» – сердито думала Аля.

Она вернулась домой. Отыскала в дальнем уголке аптечки снотворное. И – неслыханное дело! – даже не убрав со стола, рухнула в постель.

...Проснулась, казалось, минут через пять от теплого дыхания на своей щеке. Вася?

Но нет – то была Настенька. Бледненькая, несчастная:

– Мам! Папа не пришел?

Семь утра. От Василия ни слуху ни духу. Да что ж такое происходит!

– Может, папа решил нас бросить? – озвучила дочка ее тайные страхи.

– Он никогда так с нами не поступит, – твердо отозвалась мать.

И опять набрала Васин номер. Недоступен.

– Мам, – робко спросила Настя, – а тебе похитители не звонили?

– Кто?!

– Ну, папа же с деньгами работает. Я подумала, что его могли похитить, а с нас потребовать выкуп!

Как бы объяснить девочке, что иногда мужчины не ночуют дома совсем по другим причинам?

– С нас с тобой все равно нечего взять, – вздохнула Аля. И предложила: – Давай мы с тобой сейчас пойдем в школу. А если папа не появится... к четвертому уроку, тогда обратимся в полицию.

* * *

Алин телефон зазвонил в середине второго урока.

Вася!

Руки дрожали, аппарат едва не упал.

– П-простите! – пробормотала Алла ученикам.

Выскочила из класса, нажала на «прием».

– Аленька?

Голос мужа доносился еле слышно – сквозь ветер, гул, свист.

– Вася, ты где?! – истошно выкрикнула она.

– Аля, это неваж... ж...но.

Вой. Металлический скрежет. Отдаленное завывание сирен.

– Я звоню проститься с тобой.

Голос совершенно тусклый, безнадежный.

– Вася, что случилось? – как могла твердо, произнесла она.

– Алла, слушай меня внимательно. Я оформил страховку. Отправил заказным письмом на наш домашний адрес. Там не вся сумма, которую я должен, но хотя бы что-то. Чтобы поддержать вас на первых порах.

Она не поняла в его деловитом монологе ни слова. Только ощущение возникло, что Васька, любимый Васька, в беде. И сейчас, немедленно, готов совершить непоправимую глупость.

Алла не стала его ни о чем расспрашивать. Она просто тихо поправила:

– Вася. Скажи мне: где ты. И я приеду.

* * *

Алла прежде никогда в жизни не оказывалась на крыше. Даже в детстве не лазила. Она вообще не любила высоты. Не то чтоб боялась, но испытывала неприятный трепет перед бездной. Будто та – одушевленная, может схватить в невидимые объятия, утащить в безнадежность, вниз.

Алла и сейчас решительно отвернулась от крошечного – с высоты двадцать второго этажа! – любимого города. Видела она только Василия, разом постаревшего. С пустым взглядом.

Впрочем, когда она шагнула на крышу, в его глазах блеснула искорка надежды. И тут же потухла.

– Аля, – торопливо произнес муж, – только, пожалуйста! Не начинай меня отговаривать!

Пока мчалась сюда, – бросив свой класс, на огромной скорости, она думала: «Полная покорность. Со всем соглашаться».

Но сейчас вдруг выпалила:

– Даже не подумаю, Вася. Валяй. Прыгай вниз.

Муж растерянно уставился на нее.

А она еще больше повысила голос:

– Ну, давай, прыгай, что же ты?! Давай!

Кажется, совершенно неправильно с точки зрения психологии, но Аля вдруг почувствовала, как ее переполняет холодная ярость:

– Давай! Мужчина, защитник, отец! Отличное, ничего не скажешь, решение! Ни мужества, ни терпения, ни мудрости не надо: сиганул с крыши – и больше никаких проблем. У тебя – никаких проблем. А на других, на жену, на дочь тебе наплевать!

Он отступил на шаг, ближе к краю крыши. Но Алю уже просто переполняла уверенность: хотел бы прыгнуть, давно прыгнул бы. Звонить, ждать, пока она подъедет, не стал бы.

И резко сменила тон:

– Васенька, пожалуйста. Отойди от края и расскажи мне, что случилось.

* * *

Василий редко связывался с акциями второго и уж тем более третьего эшелона, предпочитал «голубые фишки». Пусть прибыль крошечная, но зато и убытки из седла не выбьют. Опытные брокеры не лезут в аферы, что сулят десять процентов прибыли в день. Разве что играют на небольшой резерв, на деньги, каких не жалко. Тут уж можно покуражиться, когда рост пошел, не выходить из бумаги, держать ее до последнего.

Но нынешняя ситуация – совершенно иная!

Он получил информацию, что буквально на днях машиностроительная компания «Парсек» получит огромный государственный заказ. Реально – многомиллиардный. Официально это пока нигде не объявлялось.

Редкий случай, когда нужно идти ва-банк.

И Василий рискнул.

Поставил свою не слишком великую заначку – сто тысяч рублей («На новую шубу тебе, Аленька, копил»). А также все деньги, к которым у него был доступ в банке.

Но через день – вместо того чтобы хвалиться получением госзаказа – проклятый «Парсек» объявил об отрицательном балансе за второй квартал.

И его акции немедленно грохнулись.

– Меня подставили просто, – горестно изрек Вася. – Как зеленого сопляка. У брокеров иногда бывает, когда ложную информацию вбрасывают. В надежде рынок раскачать. Но я-то не юнец! Я всегда такие ловушки нюхом чую! А тут вдруг не раскусил. Поверил. Раньше-то этот информатор всегда в струю подсказывал. Вот я и купился... И главное: я ж не себе хотел заработать. Что там особо возьмешь, на ста тысячах, что у меня были! Банку думал сделать как лучше! А они, гады, теперь вцепились, свои деньги назад требуют...

– Вася! – ахнула Аля. – Почему ты не сказал мне сразу, как все случилось?!

– Заинька, да я надеялся... сначала – что рассосется. Что ситуация, если не выправится, хоть отыграет назад немного. Потом думал, что смогу все объяснить на работе... Я ж никакой не преступник, не растратчик. Ну, да. Формально – не имел права вкладывать бабки без согласования с шефом. У меня лимит до пятисот тысяч, а я миллион поставил... Но как было удержаться, когда такая уникальная инсайдерская инфа?! Представлял, дурак, когда акции взлетят, себя такого крутого, на белом коне... Как премию выдадут!

В его голосе звучала искренняя обида.

– А они, когда узнали, вообще меня слушать не захотели. Хотя я на них пять лет пахал верой и правдой. И прибыли, в общей сложности, банку принес под миллион. Ну, да. Сейчас сделал убыток. Но я же профессионал! Дали бы шанс, отыграл бы помаленьку все, что потратил. Но они...

Вася запнулся.

– Что? – тихо спросила Алла.

Муж взглянул жалобно:

– Председатель правления – сам Резо Кахиани! – на ковер меня вызвал. Расписку заставил дать. На двести пятьдесят тысяч долларов. Я подписал. Что мне оставалось?!

Он робко обнял ее:

– Аля, если меня не станет, – они тебя трогать не будут. Не звери же! А в суд пусть подадут. Жилье у вас с Настькой единственное, на улицу никто не выгонит. Страховку за меня, опять же, получите...

– Вася, ты забыл одну простую вещь, – устало произнесла она. – За самоубийц страховку не выплачивают.

– Алка, ну что мне еще-то делать?! – отчаянно выкрикнул он. – Да, сглупил. Но я – клянусь тебе! – был настолько уверен! «Парсеку» действительно хотели дать серьезный госзаказ. В последний момент все переигралось.

– Васька. Ты не должен был рисковать деньгами банка, – тяжело вздохнула она.

И увидела перед собой – не мужчину, обиженного ребенка. Надул губы, потупился:

– Да банк бы – если бы все пошло, как должно было! – лезгинку от счастья бы танцевал! Озолотил бы меня! Я как лучше хотел.

– Слушай, Кузовлев, сколько тебе лет? – поморщилась Алла.

Всегда считала мужа защитой, опорой. А сегодня будто пелена упала с глаз.
«Хотел, как лучше!» Что за детство...

– Где ты всю ночь был? – сухо поинтересовалась она.

– Пил, – опустил голову Василий. – В лотерейный клуб зачем-то потащился.

Поспешно добавил:

– Но ты не волнуйся, я с ума не сходил. Я там пару тысяч рублей оставил, не больше.

– А позвонить?

– Алка, ну что бы я сказал?! Поздравляю вас, девочки, с первым сентября, я только что проиграл нашу квартиру?

– Мы с тобой когда-то клялись... – печально улыбнулась она, – не перед алтарем, правда, но перед друг другом... что вместе будем переживать и горе, и радость. А ты! Сбежал, напился... Настя тебя вчера так ждала!

Он взглянул удивленно:

– Алька! Ты меня только за это осуждаешь?!

Алла обняла его, пригладила встрепанные бессонной ночью и ветром волосы, произнесла твердо:

– Ты сильный, Кузовлев. Ты обязательно со всем справишься. А я тебе, чем смогу, помогу.

* * *

Идея, что пришла Але в голову, наверно, была дикой. Безумной, неправильной, отчаянно глупой. Но тем не менее как вонзилась острой иголкой в мозг, так и

мешала, раздражала, манила...

Что, если предложить Верке выносить для нее малыша?

...Вера Бородулина, институтская подруга, билась за ребенка уже много лет. Обследовалась, лечилась. Прошла через ЭКО – неудачно. Для следующей попытки врачи настояли взять суррогатную мать. И поначалу все шло замечательно: эмбрион прижился, беременность протекала прекрасно. А когда малыш уже стал шевелиться, у суррогатной матери случился выкидыш.

Вера страдала отчаянно. Тем более что вскоре выяснилось: женщина, которой она доверила свое дитя, была инфицирована редким заболеванием, венерическим лимфогранулематозом. Прекрасно знала, что беременеть ей нельзя, но тем не менее беспечно предлагала свои услуги.

«Как я не разглядела, что она за человек?!» – терзала себя Вера.

Аля утешала ее, как могла. И даже, когда подруга собралась предпринять очередную попытку, вызвалась ей помочь. Они теперь вместе встречались с кандидатками в суррогатные мамы. Вера вела переговоры, Аля – внимательно наблюдала за женщинами. И очень расстраивалась. Ни единой, на ее взгляд, кому можно было бы довериться безоговорочно. Одна – очевидно курит, хотя и не признается. Другая – вся какая-то грязная, дурно пахнущая. Третья одета прилично, говорит с претензией на образованность, но лживая насквозь.

– Не спеши никого из них нанимать, Верочка, – советовала Аля подруге. – Найдешь еще для своего малыша маму. Нормальную.

А у Веры однажды вырвалось:

– Ох, Алька! Замечательный ты человек! Если б ты мне ребенка выносить могла!

Алла тогда – в прошлой своей, счастливой жизни – лишь виновато улыбнулась.

Но сейчас, когда над ее семьей висит огромный долг, она всерьез задумалась над Вериними словами.

Тем более что Вера – давно, в студенческие еще годы – ее тоже выручила. Да как!

...На последнем курсе пединститута Алла стажировалась в одной из московских школ. Формально могла бы просто присутствовать на уроках да изредка замещать заболевших учителей. Но получилось так, что преподаватель английского и классный руководитель пятого «В» внезапно уволился, и всю его нагрузку свалили на безропотную практикантку. Поначалу не выходило у Али ничего. Дети над ней издевались, буянили. Но только не сдалась студенточка. Испробовала на учениках все методики, какие знала. А главное, искренне хотела увлечь их, заинтересовать.

В итоге к концу года сдружилась с классом настолько, что дети всем составом явились к директору школы. И заявили, что хотят отправиться во главе с любимой учительницей на отдых в Подмоскovie, в летний лагерь.

Поездку организовали.

Хотя Алла и считала детей «своими», статус у нее оставался прежний: студентка-практикантка. Да, ей охотно доверяли: заниматься с пятиклассниками английским, ставить с ними спектакли, играть в «зарницу». Но при этом в отряде было два воспитателя, формально отвечавших за детей. Те очень радовались возможности получать зарплату, а работает пусть старательная студентка.

Педагоги вошли во вкус своего нежданного отпуска, день и ночь напролет отдыхали, выпивали, развлекались. И даже не заметили, когда однажды после отбоя трое мальчишек сбежали купаться на речку.

Течение оказалось бурное, вода холодной, ночь – темной, ветреной. Один из мальчишек, Митя, утонул.

Аля страдала как никогда в жизни. Хотя ее-то в недосмотре обвинить было никак нельзя. Она не обязана была следить за своими подопечными еще и ночью. И даже ночевала не в том корпусе, где спали дети, а на другом конце лагеря в домике столовского персонала.

Однако мать погибшего мальчика во всем обвинила именно Аллу. Кричала ей в лицо:

– Это ты его сманила! Ты уговорила отправиться в этот проклятый лагерь! Митя никогда не любил все эти ваши коллективные развлечения и сроду бы не поехал туда, где надо спать в общей спальне! Он сказал мне: «Мама, я очень не хочу, но что делать? Алла Сергеевна дала мне в спектакле главную роль, я не могу ее подвести». Будь ты проклята со своими спектаклями!!!»

Несчастливая женщина поклялась, что она не оставит смерть сына безнаказанной. Наняла дорогих юристов, писала в газеты, на телевидение, в прокуратуру, в следственный комитет. Дело закрывали, возобновляли, пересматривали.

Все шишки сыпались на директора летнего лагеря и воспитателей, Алле обвинения даже не предъявляли. Но Митину мать словно заклинило. Она раздобыла Аллин телефон, звонила ей по ночам, говорила гадости. Натравливала на девушку журналистов. Выдумывала небылицы: будто у нее есть свидетель, что Аля вместе с мальчишками тоже ходила той роковой ночью на речку.

Вера – с кем еще посоветоваться, как не с лучшей подругой! – очень ей сочувствовала. Утешала:

– Переклинило ее просто. Из-за того, что этот Митя тебя любил, к тебе тянулся. Потерпи. Пройдет время, она отвяжется.

Но летели месяцы – а женщина никак не могла успокоиться.

Когда Аля сидела на дипломе, только что вышла замуж и была беременна Настенькой, Митина мать дала очередное интервью, в котором выдвинула новую версию. Будто бы молодая практикантка мальчишек на слабо взяла: сможете ночью дойти по глухому лесу до речки или не сможете?

Большой ерунды и придумать невозможно, но Аля настолько распереживалась, что тут же загребела в больницу с угрозой выкидыша.

И тогда Вера не выдержала:

– Все. Баста. Я сама с этой сумасшедшей поговорю.

– Вера, глупости! Что ты ей скажешь? – слабо сопротивлялась Алла.

Однако разве можно переубедить упрямейшего в мире человека, Веру Бородулину?

Та купила бутылку, закуску и отправилась к Митиной матери домой.

Как Вере удалось втереться в доверие к незнакомой, да еще и психически неуравновешенной женщине, Алла так и не узнала.

Но Митина мама действительно оставила ее в покое. Женщина продолжала регулярно давать интервью. Предавала анафеме воспитателей, упустивших мальчишек (те отделались минимальными сроками в колонии-поселении). Кляла директора, допустившего, что его сотрудники устраивали в детском лагере безобразные пьянки. Но про Алю больше никогда не упоминала. И ей не звонила.

– Ты, что ли, заплатила ей? – с ножом к горлу пристала Алла к подруге.

Но Вера лишь усмехнулась:

– Зачем тратить деньги, если человека можно просто убедить?

Но так и не призналась, какие привела аргументы в разговоре с Митиной мамой. И – это тоже делает ей честь! – никогда не напоминала, что за подругой должок.

Но Аля-то помнила о той давней истории прекрасно.

Не пришло ли время наконец отплатить подруге добром за добро?

Что для Веры может быть ценнее того, что у нее наконец появится ребенок?!

...Прежде чем предложить свою помощь, Аля долго собиралась с духом, сомневалась. Вдруг Вера, наоборот, обидится? Решит, что подруга столь витиеватым способом пытается у нее денег занять?

Однако Вера заплакала от счастья. Бросилась Але на шею:

– Я так ждала, когда ты мне это предложишь!!!

И пусть пока еще ничего не понятно – вдруг не подойдет Аля в суррогатные матери? Или Вася категорически воспротивится? – Вера сказала:

– Спасибо, подруга. Никогда в жизни тебе этого не забуду.

* * *

От поликлиники здесь не было ничего. Будто специально старались, чтоб не возникло ни единой медицинской ассоциации. Персикового цвета обои, бодренькие красные светильнички и даже на полу, – какой там кафель или плитка, – пушистый ковролин.

– Как в хорошем отеле! – оценила Аля.

Вера же проворчала:

– Все продумано, чтоб мы себя больными не считали.

Изящная мадемуазель, сторожившая регистратуру, немедленно проводила их в кабинет главврача, и тут аж Алла вообще еле удержалась, чтоб не ахнуть: ну, точно, номер-люкс в дорогущей гостинице! И докторица – холеная, стройная, стильно одетая. Але сразу стало неловко за собственную практичную, но совсем не в тренде сезона одежду, добротные туфли, стрижку из дворовой парикмахерской. Еще и лак на правом мизинце пополз.

Зато Вера совершенно в своей тарелке. И выглядит – будто клон врачихи. Не в том смысле, что внешне похожа. Но обеих запросто можно было бы встретить в одном и том же пафосном ночном клубе. Или в дорогом бутике. В любом, короче, элитном месте, куда она, Аля, только сквозь сверкающую витрину заглядывает.

Впрочем, докторша с претенциозным именем Милена изо всех сил демонстрировала, насколько она рада обеим своим гостям. Хлопотала: удобно ли «девочкам» вот на этом диване, сама варила им кофе, с истинно материнской заботой интересовалась, как они доехали и где припарковались.

«Во сколько же Верке обойдутся эти люкс-услуги?» – сочувственно подумала Аля.

Ей вдруг стало неудобно. И, несмотря на кондиционированную прохладу, очень душно. Милена же наконец угнездилась в кресле напротив, метнула в нее испытующий взгляд, произнесла мягко:

– Я так понимаю, вы хотите стать для Веры Аркадьевны суррогатной мамочкой?

– Ну... если получится, – вздохнула Аля.

Вера же поспешно добавила:

– Мы подруги. Знакомы много лет, всегда стараемся поддержать друг друга. Аля знает о моей ситуации и согласилась помочь...

Доктор обернулась к Алле, одобрительно сказала:

– Вы взялись за чрезвычайно благое дело. И я, со своей стороны, приложу все силы, чтобы все ваши страхи оказались безосновательными.

– Что вы имеете в виду? – нахмурилась Аля.

– Ох, да чего только суррогатные мамочки не боятся, – доверительно произнесла врач. – Растолстеть, облысеть. Или – как минимум – что мы им живот располосуем...

– Вы имеете в виду, что роды будут обязательно с кесаревым сечением? – уточнила Аля.

– Да я не о родах пока, – усмехнулась Милена. – Многие уверены, что младенца подсаживают с помощью полостной операции. Так действительно было бог знает сколько лет назад. Но с тех пор наука вперед продвинулась, и сильно.

Алла улыбнулась:

– Я, конечно, не слишком в теме, но об этом знаю. В Интернете читала – и про ЭКО, и про суррогатное материнство. Насколько я понимаю, подсадка эмбриона – проходит... м-мм... через естественные пути и даже хирургической операцией не считается. Занимает пару минут, производится без наркоза.

– Да, я вижу, вы дама образованная, – одобрительно кивнула врач. – Где работаете, если не секрет?

– Учительница английского. В частной гимназии.

– В Москве?

– Да.

Милена нахмурилась. Помолчала. И неожиданно обратилась к Вере:

– Вы можете ненадолго выйти в холл? Я хочу с вашей подругой наедине поговорить.

– Как скажете. – Вера покорно встала.

А едва за ней затворилась дверь, Милена выпалила:

– Из вас не получится суррогатной матери.

– Почему? – опешила Алла.

– Вспомните Экклезиаст, – невозмутимо сказала врач. – Во многой мудрости много печали, и кто умножает познания, умножает скорбь.

– Не поняла...

– Алла, идеальная суррогатная мать должна иметь максимум десять классов образования, – усмехнулась Милена. – А вы умны. Но проблема даже не в этом. Чтобы вынести этот ад, нужно обладать чрезвычайно здоровой нервной системой.

– Вы хотите сказать... – начала Аля.

– Нет, нет, я вовсе не намекаю, что у вас не все в порядке с психикой, хотя справку из психоневрологического диспансера, разумеется, от вас потребую, – отозвалась доктор, – я сейчас о другом. Чтобы вынашивать чужого ребенка, нужно быть такой... абсолютно непробиваемой. Толстокожей. Инкубатором. То есть хорошо отлаженным и бездушным механизмом. А вы – это же видно! – женщина тонко чувствующая. Для таких, уж поверьте мне, суррогатное материнство в пытку превращается.

– Ничего, – твердо отозвалась Аля. – Я справлюсь.

Но докторша не сдавалась. Внимательно взглянула на Алю, спросила:

– Могу я узнать о причинах? Почему вы решили выносить чужого ребенка?

Иронически вздернула бровь, добавила:

– Только не рассказывайте мне, что вы просто хотите помочь подруге.

– Но я действительно хочу – и должна – ей помочь, – грустно улыбнулась Аля. – Но самое главное: мне очень нужны деньги. А Вера может их заплатить.

– Мне уже несколько раз приходилось иметь дело с такими, как вы с Верой. Подругами, – вздохнула врач. – А один раз даже с родными сестрами. Почему-то считается, что из близкого человека должна получиться отличная суррогатная мать. Однако не буду вас обнадеживать: на практике ситуация совсем иная. Во всех случаях дело кончалось взаимными обидами. Скандалами. И, в конце концов, полным разрывом.

– Почему? – удивилась Аля.

– Слишком большая ответственность. Думаете, вашей подруге приятно, что жизнь ее ребенка на целых девять месяцев окажется в чужих руках?

– Думаю, она разумный человек, – парировала Аля. – И понимает, что другого выхода у нее просто нет.

– Умом-то понимает, – согласилась доктор, – но беременность и все, что с ней связано, – разумной меркой не измеришь. Тут слишком большая роль не у разума, а у эмоций. Вы, кстати, собственную беременность хорошо переносили?

– Да я и не заметила ее, – улыбнулась Аля. – Пятый курс, нужно было диплом писать. Только и гадала: успею ли защититься до родов?

– А как вы сейчас будете объяснять свое интересное положение? Дома, на работе? – не отставала Милена.

– Ну, муж, естественно, будет в курсе. От дочки придется скрывать. Мы с Верой уже решили, что месяца с шестого и до родов она мне санаторий оплатит. Где-нибудь в Подмосковье. А на работе возьму отпуск без содержания. Что остается...

– Да, моя милая, – в голосе Милены засквозила фамильярность, – крепко тебя, видно, прижало.

И тут же снова перешла на вежливое «вы»:

– Впрочем, пока никаких планов не стройте. В программу я вас возьму только после тщательного обследования. Это минимум три недели займет: все анализы, ультразвук на нескольких стадиях цикла, полная диспансеризация. Ну, и – вы же грамотная, сами знаете – с первого раза может не получиться. Как вы, кстати, с подругой договорились? Сколько она вам выплатит – в случае неудачной попытки?

– Да нисколько, наверно, – растерялась Аля. – Мы это не обсуждали.

– Ну и зря, – припечатала доктор. – Вы потратите свое время. Вам придется принимать гормональные препараты. Ограничивать интимную жизнь. Это тоже нервы – и труд, который должен обязательно быть оплачен. Сто тысяч требуйте. Никак не меньше.

– Слушайте, – не выдержала Аля, – я никак не могу понять, вы-то сами кто? Врач? Психолог? Или бизнесмен? То есть, простите, бизнесвумен?

Милена безмятежно улыбнулась:

– Спасибо, что хоть создателем гомункулусов не назвали. Но вопрос хороший. Я бы себя прежде всего менеджером назвала. Или кризисным управляющим. Серьезно! Никакие медицинские познания не помогут, если в паре «биологическая и суррогатная мать» будет разлад.

– Мне кажется, вы сгущаете краски, – возразила Аля. – Мы с Верой взрослые и разумные люди. Мы, находясь в здравом уме и твердой памяти, заключили сделку. Ей нужен ребенок. Мне – деньги. Я за определенный гонорар выполню для нее конкретную работу.

– Эх, если бы все было столь просто! – вздохнула доктор. – Впрочем, разубеждать вас бесполезно, я уже поняла. Что ж, пробуйте. Но не упрекайте потом меня, что я вас не предупреждала.

* * *

...Когда Аля просто приняла мужа с его бедой – не укоряла, не требовала развода, – он чуть на коленях перед ней не стоял целыми днями.

Она себя даже на подлой мысли ловила: не проиграй Василий эти деньги, никогда бы и не узнала, каким он может быть нежным, понимающим, галантным.

Но едва Аля нашла собственное – пусть и не самое легкое в мире – решение проблемы, Васькину любовь-заботу будто рукой сняло.

Запрещать, правда, он не стал – хотя юридически мог бы, у законного супруга такое право есть. Но постоянно твердил Але, что затеяла она глупость. Что вынашивать ребенка за чужую женщину противно человеческой природе. А уж рожать дитя для Веры – вдвойне безумие.

– Она богатейшая дамочка! – горячо возмущался Василий. – Кто ей мешал пойти в любое агентство, вокруг суррогатного материнства их полно, и выбрать себе мамашу? Абсолютно на ее вкус: возраст, гражданство, что угодно! Но нет, ей понадобилось обязательно в нашу семью влезть. Все в ней разрушить!

– Вася, да ничего не случится с нашей семьей, – ласково увещевала мужа Аля. – Поможем людям, сделаем доброе дело и заживем по-прежнему.

– Никогда по-прежнему после такого не будет! – в запале кричал муж. – Ты, Алька, не инкубатор, не термос. Ты живой человек и не вынесешь этой беременности! Не физически – морально не вынесешь.

«Вот, и он туда же, – вздыхала про себя она. – Та доктор, Милена, то же самое говорила».

Хотя Аля сама пока не понимала: что особенно страшного затевается? Переспать с чужим мужем от нее не требуется, в организм подсалят уже готовый эмбрион. Ребенок, что начнет развиваться внутри, будет ей генетически чужим. Значит, и привязанности никакой к нему возникнуть не должно. Ну, да, девять месяцев беременности, роды, неудобства – зато квартира останется при них, разве оно того не стоит?

– Почему Верке нужна обязательно ты?! – никак не успокаивался Василий. – Почему она не хочет нанять женщину из тех, кто этим на жизнь специально зарабатывает?!

Алла, к сожалению, не могла объяснить Васе про предыдущую Верину беременность – ту, что закончилась трагедией. Подруга очень просила не выдавать ее тайны. Да даже если б Аля попыталась объяснить Василию, тот все равно не понял бы. Сказал бы: подумаешь, не повезло с одной суррогатной матерью, пусть попробует с другой! Разве втолкуешь толстокожим мужчинам, какое отчаяние испытывает женщина, когда теряет ребенка. Особенно, если это происходит не по ее вине.

«Буду стараться с Васькой эту тему не обсуждать», – решила Аля.

И, когда бегала по обследованиям, мужа в известность не ставила. Зачем зря человека травмировать?

Кровь в элитной клинике Милены вовсе не обязательно сдавать строго с восьми до десяти утра, как в районке. И флюорографию можно сделать в любое время, и к терапевту сходить. Дома всегда можно сказать, что задержалась на педсовете

или другом мероприятии в школе.

Жаль было терять столько времени на врачей, но Аля сама себя подбадривала: «Ничего! Зато полную диспансеризацию пройду совершенно бесплатно!»

Хотя многие требования Алла считала просто глупыми. Например, ее попросили принести справку от районного педиатра о состоянии здоровья дочки Настеньки.

– Зачем?! – удивилась Аля.

– Положено, – вздохнула Милена Михайловна. – Есть ряд детских болезней, которые напрямую связаны с беременностью матери.

– Что вы имеете в виду?

– Допустим, вы нам не рассказали, что в прошлую беременность страдали от гестоза – то есть позднего токсикоза. А после него до половины детей рождается недошенными, маловесными, невропатичными. Что и будет отражено в справке от педиатра.

– Не было у меня ничего такого!

– Я говорю, допустим.

– У меня дочка в срок родилась, – насупилась Алла. – С весом три двести, здоровенькая. Кстати, Вера об этом прекрасно знает.

– Но тем не менее именно она настаивает на вашем углубленном обследовании, – пожала плечами доктор. И веско добавила: – И вы с ней, к сожалению, теперь не подруги. Она заказчик. Вы – исполнитель. Привыкайте к вашим новым ролям.

– Что остается, – вздохнула Аля. – А нужно просить врача написать, куда предоставляется справка?

– Не нужно. Но в ней обязательно должны быть указаны особенности течения ваших родов, вес ребенка при рождении и при выписке, наличие всех прививок,

полный анамнез.

Да их вечно на бегу районная педиатр просто пошлет ее с таким-то запросом!

– Может... мне дочку в ваш медицинский центр привести на осмотр? У вас есть детские врачи?

– Нет, справка нужна именно из поликлиники, где ребенок с рождения наблюдается.

Что ж, опять пришлось – в последнее время приходилось все чаще! – придумывать. Что дочка едет на осенние каникулы в Англию в языковой лагерь, и там обязательно хотят знать, с каким весом и от какой по счету беременности она родилась.

– Да кто от вас потребовал этот бред?! – начала было возмущаться районная педиатр.

Но, увидев тысячную купюру, философски молвила:

– Впрочем, кто их поймет, этих англичан.

И справку выдала. Аля же сердито подумала: «Вписать, что ли, тысячу Верке в счет?»

Но, конечно, постеснялась.

Подруга и без того заплатит ей огромные деньги. Вера сама настояла, что выдаст Але, как человеку проверенному, не стандартный гонорар в полтора миллиона рублей, но впятеро больше. Целых семь с половиной, или двести пятьдесят тысяч в долларах! Именно столько, сколько и нужно, чтоб рассчитаться с Васиным долгом.

К тому же Вера обещала: если беременность состоится, немедленно выплатить Але аванс, два миллиона рублей. Хотя обычно суррогатным матерям во время ожидания ребенка лишь небольшое пособие выделяют. А гонорар выдают только после того, как малыш родится и женщина подпишет документ, что не

возражает против оформления его родителями «заказчиков» беременности.

– Это общее правило, но мы с тобой подруги, должны друг дружке доверять! – уверенно заявила Вера.

– А Игорь твой возражать не будет? – забеспокоилась Аля.

Но Верка лишь отмахнулась:

– Он вообще в детали не вникает. Игоревое дело деньги платить. Ну, и, – заговорщицки подмигнула она, – сперму сдать, когда скажут!

Але же вдруг стало ужасно противно. На какой-то магазин из фантастического фильма похоже: заплатил деньги, сдал биоматериал, через девять месяцев получил готовенького ребенка.

Будет ли отец любить такого покупного малыша?

Впрочем, по словам подруги, Игорь тоже переживал за жену и ее будущую беременность. Даже специально ездил в клинику и попросил Милену Михайловну приложить максимум усилий к тому, чтоб ребенок наконец получился. И, главное, был здоровым. Посулил докторше большую премию – если все с первого раза состоится.

– Верусь, – вздохнула Аля, – но против вероятности все равно не попрешь. Шансы, сама знаешь – только тридцать процентов.

– А у меня, – безапелляционно отрезала Вера, – должно быть больше! Хотя бы пятьдесят на пятьдесят!

И прибавила жалобно:

– Я просто не переживу, если опять ничего не выйдет.

«Я тоже не переживу, – пронеслось в голове у Али. – Если все-таки нам придется продавать квартиру и к свекрови переезжать».

Но Веру – Алла видела! – теперь совершенно не интересовали ее проблемы и чувства. Будто отрезало их душевные разговоры, взаимные жалобы на жизнь и мужей.

Еще недавно подруга обожала посетовать, как безумно она устала ждать аиста и как тяжело, что Игорь безропотно оплачивает счета, но совсем не поддерживает ее морально... Нынче о своих чувствах Вера не говорила ей ни слова. И даже в ее тоне стали появляться сварливые, властные нотки.

«Права, видно, Милена. Мы больше не подруги, а заказчик и исполнитель».

Что ж, Аля собиралась выполнить работу как можно добросовестней. Непривычно, конечно, и странно: продавать не мозги, а тело. Но, когда тебя не сегодня завтра из родного дома погонят, выбирать не приходится.

...В конце сентября она – в который уж раз! – приехала в клинику Милены.

Красотка, караулившая регистратуру, встретила ее неизменно радостной улыбкой:

– Добрый день, Аллочка Сергеевна! Пожалуйста, присядьте в приемной! Буквально на две секундочки! Дело в том, что уже четыре часа, лаборатория закрыта, но вы не волнуйтесь, кровь мы у вас все равно возьмем в малой операционной, там стерильно, только бахилочки надо будет надеть...

– Да хоть здесь кровь берите, – усмехнулась Аля.

Вечно радостная регистраторша ее раздражала. Точно так же – суетливо и бестолково – себя ученики ведут, те, кто урок не выучил.

Побыстрей бы отстреляться, и домой, а то ужина нет, тетрадок непроверенных гора, и у дочки завтра первая в жизни контрольная на вычитание в пределах двадцати, Настенька иногда путается, надо с ней позаниматься.

...Алла быстрым шагом проследовала в малую операционную, привычным уже жестом закатала рукав, протянула левую руку медсестре. В локтевой сгиб юркой пчелой впилась игла... а дальше на Алю вдруг обрушилось небо.

* * *

Очнулась она на кушетке. Кажется, в той же самой операционной. Вокруг толпились встревоженные медики, возглавляла стаю Милена.

– Наконец-то, – ворчливо произнесла доктор, когда Аля открыла глаза.

Лицо ее было очень и очень недовольным.

– Что... со мной? – прошептала Алла.

– В обморок грохнулась, – просветила Милена Михайловна. Сердито поинтересовалась: – Ты что-нибудь ела сегодня?

– Так когда кровь сдаешь... есть ведь нельзя! – пробормотала несчастная пациентка.

– А на часы ты смотрела? Разве можно до пяти вечера голодной бегать?!

– Но у меня раньше никак не получалось прийти, – вздохнула Аля. – Шесть уроков, потом еще продленка...

– А если б ты голову расшибла? Пол-то кафельный, твердый! – продолжала бушевать Милена Михайловна.

Алла не ответила. Осторожно спустила ноги с кушетки. Голова все еще кружилась.

Милена обернулась к регистраторше (девица продолжала лучиться улыбкой). Приказала:

– Крепкий чай! Бутерброды. И коньяку. В мой кабинет.

«Васька думает, что я на родительском собрании. А от меня коньяком будет пахнуть!»

Впрочем, отказываться Аля не стала. Она чувствовала себя настолько разбитой и слабой, что решила: чем спорить с авторитарной Миленой – проще выпить. К тому же врачиха, наверно, знает, что советовать.

– Последний раз пьешь, – констатировала доктор, когда Алла послушно махнула рюмку.

Встретила Алин непонимающий взгляд, улыбнулась:

– Сегодняшний анализ – формальность. Все уже решено. Тебя берут. В ближайшие день-два вы с Верой должны подписать договор – и вперед.

Коньяк ударил в голову. Але сразу стало тепло, радостно. И одновременно – очень страшно.

* * *

На подписании договора «об оказании услуг суррогатного материнства» обязательно должны были присутствовать супруги Аллы и Веры.

Игорь Леонтьевич Бородулин тот день еле пережил. В прошлый раз, когда они с Верой (заказчики, с одной стороны) заключали договор с гражданкой Украины Людмилой Шпилько (в дальнейшем именуемой Исполнителем), все прошло формально и очень быстро.

Но сегодня ему будто всю душу вынули!

Верка – та ничего вокруг не замечает. Игорь же прекрасно видел испуг и смущение скромной учительницы. Откровенную злость ее мужа Василия. Тот, правда, подписал согласие на то, чтоб жена вынашивала чужого ребенка, но всем своим видом показывал: только отсутствие кольца мешает ему всех их, к черту, перестрелять.

Когда договор был подписан, Верка вцепилась в бумаги обеими руками, радостно выкрикнула:

– Ура! Алка, спасибо тебе!

– Да ну, Вер, это тебе спасибо, – еще больше смутилась учительница.

– Деньги, аванс, я тебе прямо завтра на карточку переведу, – деловито сообщила его супруга. – А с понедельника вступаем в протокол!

Обернулась к мужу, фамильярно поинтересовалась:

– Игоряш! Мы с тобой кого хотим? Девочку, мальчика? Или сразу двух?

Сколько уже было разговоров! Про сына, дочь, их гороскопы, обои в детской, образование...

– Вера, – вздохнул Игорь, – давай не будем загадывать.

Супруга, на его взгляд, уже немного в уме повредилась на почве деторождения. Чего только стоила ее последняя просьба, чтобы он лично съездил к Милене Михайловне и посулил ей, если все получится, огромную премию.

Игорь исполнил женушкин каприз. Но аисты – или кто там отвечает за появление детей в семье? – очень, наверно, смеялись.

...Ему вдруг вспомнилось, как года три назад Верка вдруг закатила на свой день рождения огромный прием. И пригласила в числе прочих свою институтскую подругу с мужем. Вот эту самую пару. Аллу и Василия. Насколько же счастливее, увереннее в себе те тогда выглядели! Вера, помнится, еще молвила мимоходом:

– Прямо смотреть на них завидно.

Что ж. Сейчас завидовать было решительно нечему. Счастливые люди чужого ребенка вынашивать не берутся.

И не повинна ли в этом – мелькнуло у Игоря – его жена?

Впрочем, он тут же отогнал эту мысль.

Еле дождался, пока все формальности будут улажены. Распрощался с печальной исполнительницей, ее сердитым мужем. Чмокнул Веру в щеку. И поехал снимать стресс. Благо, было где. Давно уже завел себе отдушину – от идеальной Верки и ее страданий.

* * *

Леся работала в холдинге Игоря в рекламном отделе. Юное, испуганное создание, закончила в родном провинциальном городишке два курса института, взяла академический отпуск (а может, вылетела за неуспеваемость) и прибыла покорять столицу. Тощая, большеглазая, нескладная, ногти обкусаны. В отделе ее звали гадким утенком, стол выделили на сквозняке у самой двери, гоняли за кофе и булочками в буфет и обожали загружать бестолковой работой. Игорь, как в отдел ни заглянет, Леся или у ксерокса с пачкой документов, или пересчитывает, смешно шевеля губками, свеженькие, только из типографии, рекламные плакаты. Хотя какая разница – напечатали их тысячу штук, как в договоре, или обсчитали на десяток-другой?!

Игорь на правах начальника с девочками из рекламного отдела общался запросто. Кого в щечку чмокнет, кого по попе огладит. Сотрудницы не возражали. Начальница – если вдруг он обращался к ней сразу по делу, предварительно не покадрившись – даже обижалась:

– Что это вы сегодня такой суровый, Игорь Леонтьевич?

Только Леська шарахалась, хлопала серыми (уж точно, натурального цвета) глазищами, бормотала:

– П-пожалуйста! Не надо!

Будто он ее в темной подворотне насилует, ей-богу!

Что ж, трогать перестал. Любовался на расстоянии.

Однажды под проливным дождем выехал из офиса (в тот день без шофера, спортивный «БМВ», считал, нужно самому водить). И вдруг увидел: шлепает юная труженица Леся по лужам в направлении метро. Не удержался,

притормозил. Приоткрыл окно, велел начальственным тоном:

– Садись.

Был уверен – опять шарахнется. Но Лесенька неожиданно резво впрыгнула в машину, протянула к печке озябшие руки. Пожаловалась:

– З-з-зуб на з-з-зуб не попадает!

Игорь неодобрительно покосился на ее белый плащ, буркнул:

– А ты еще в сарафан вырядись. В марте!

– Как учила меня бабушка, если хочешь быть красивой, надо страдать! – неожиданно весело отозвалась девушка.

В его машине она, похоже, чувствовала себя куда лучше, чем в не слишком доброжелательном рекламном отделе.

Что за личико! Юное, свежее! В тепле машины покраснелась, глаза сияют.

Собирался всего лишь подбросить ее до метро, но не удержался, спросил:

– Тебя куда отвезти?

Ожидал испуганного: «Что вы! Я сама доберусь!», но, видно, очень уж девушка замерзла. Потому что смущенно произнесла:

– До ВДНХ вам не по пути?

– Доедем, – улыбнулся Игорь. – А там куда?

– На улицу Космонавтов. Общага такая длинная, серая, обращали когда-нибудь внимание?

– Да ладно. Ты живешь в общежитии? – не поверил он.

– А где ж еще? – искренне удивилась девушка. И с озорными (никогда он их прежде не слышал) нотками в голосе посетовала: – Сами, что ли, не знаете, какая в вашей компании у стажеров зарплата? Снять квартиру – точно не хватит.

Его же вдруг ужасно раззадорил ее ярко-алый (естественней не придумаешь!) румянец на фоне мокрого белого плаща, растрепанные волосы, робкие попытки казаться утонченной, светской.

«Эх, давно я не получал пощечин!» – весело подумал Игорь.

Остановился на светофоре, изменил режим драйв на паркинг, наклонился к девчужке – и жадно, будто был годы без женщин, впился в ее губы.

Ожидал: съежится малышка, зажметесь, упрется ему в грудь тощими кулачками.

Она действительно напряглась, будто струна. Рот плотно сомкнут – точно ребенок на приеме у зубного! А потом вдруг внезапно подалась к нему, обхватила руками, вцепилась изо всех силенок. Что за поцелуй у них был! Длился, Игорю показалось, вечность. Хотя реально всего лишь девяносто секунд, пока снова не зажегся зеленый свет.

– Что это было? – испуганно пробормотала Леся, когда он как ни в чем не бывало взялся за руль.

– Слушай, сколько тебе лет? – отечески усмехнулся Игорь.

– Издеваетесь?

– Не понимаю, – честно признался он. – Вроде не пятнадцать тебе, а ведешь себя как школьница.

– Я сама не понимаю, – девчонка беспомощно улыбнулась ему в ответ. – Ничего, кроме того... ну, что вы мне ужасно нравитесь. Хотя я для себя точно решила: вы – начальник. Женатый человек. Ну, и вообще. А сейчас... крышу сорвало в клочья.

Видно, застеснялась грубоватой конструкции, взглянула виновато, поспешно добавила:

– Так мой троюродный брат говорит.

– Леська, ты такая смешная! – расхохотался Игорь. – У тебя хоть поужинать найдется, в твоём общежитии?

– Есть макароны по-флотски... но... если вы хотите в гости зайти... у меня в комнате ещё трое девчонок...

– Да не бойся, не хочу я к тебе в гости. Давай лучше в ресторан заедем.

– Ой, – пискнула она.

И вдруг глаза её – прежде испуганные, настороженные – засветились таким восторгом, что Игорь в одно мгновение понял: нескладная, но до чрезвычайности обаятельная девчонка будет принадлежать ему. Сегодня – или днем, неделей, месяцем позже, особой роли не играет.

* * *

Пока Игорь ухаживал за Лесей, помолодел лет на пятнадцать. Захватывающее оказалось действо! Право слово, когда вот так увлекаешься – с азартом, с полной отдачей – никакого фитнеса не надо. Глаза молодеют, спина распрямляется. Даже Верка что-то почуяла. Но – практичная дама! – все увидела со своей колокольни. Поинтересовалась:

– Чего светишься весь? Новый проект затеял?

– Именно, Верочка, именно, – усмехнулся Игорь.

Он и внешне помолодел, а уж душой себя совсем мальчишкой чувствовал. Ощущения точно как в далеком десятом классе, когда завоевывал русоволосую красавицу, отличницу и комсорга.

Лесенька тоже оказалась скромницей, упрямницей, ранимой, трепетной ланью. К первому сексу Игорь ее почти два месяца подводил. А когда все случилось, девчушка забилась под одеяло и расплакалась – да так горько!

– Чего ты, зайчика? – встревожился он.

– Да потому что! – сквозь слезы выкрикнула она. – Клялась, божилась. Себе, маме, что всего своим умом добьюсь. А получилось... как у всех.

Сердито взглянула на Игоря, добавила:

– Даже не смей мне сейчас предлагать стать начальницей, бриллиант или что-нибудь в этом роде!

Он еле удержался от смеха, но ответил спокойно:

– Ну, до начальницы ты пока не доросла. И бриллианты носить до сорока лет – дурной вкус. А вот машинку я бы тебе купил. Хорошенькую, маленькую, красненькую машинку. Что скажешь?

– Никогда, – отрезала девушка.

Уткнулась лицом в его грудь и разрыдалась еще горше.

Целый месяц прошел, прежде чем смог уговорить ее хотя бы пойти в автошколу.

Еще сложнее оказалось вытащить Лесю из ужасного общежития.

– Игорь, пойми, пожалуйста, – горячилась пичуга. – Не хочу я идти в содержанки. Да и мама вдруг в Москву приедет, захочет в гости зайти – что я ей скажу?

– Что тебе прибавили зарплату и ты теперь можешь квартиру снимать, – усмехнулся он.

– Не могу я маме врать, – хмурилась Леся, – и вообще не хочу в гарем. Султан явился, извольте по стойке «смирно»!

– Тебе больше нравится в гостиницах встречаться? – вкрадчиво спросил он.

– Ой, нет! – испугалась Леся.

(Когда Игорь однажды снял для них люкс в «Балчуге», девушка смущалась в роскошных интерьерах отеля ужасно.)

– Или ты не хочешь меня больше видеть?

– Не хочу, конечно, – вздохнула она. И добавила беспомощно: – Только поделаться ничего с собой не могу.

Обвила его тоненькими ручонками, глаза – будто звездочки в тропическом небе, губки нежные, розовые. Ласково тронула пальчиком его бровь:

– Ты сейчас обидишься, конечно. Но ты на моего папку похож – он ушел от нас, когда я совсем маленькой была. Лица не помню, мама все его фотографии порвала и видеться нам не давала. Но ощущение осталось. Такой спокойный, надежный, всегда защитит.

Что ж, права девочка. По возрасту он и правда годился ей в папочки. И совсем не возражал защищать, оберегать, чему-то учить малышку. Неловкую, иногда смешную. Что за контраст с законной супругой – всегда совершенной, уверенной в себе, с четким и аргументированным мнением по любому вопросу.

Игорь все же уговорил свою упрямицу переехать на квартиру – в романтическую мансарду в Замоскворечье. Очень уж Лесю подкупило огромное окно-иллюминатор в гостиной. Она часами могла стоять у него, смотреть бездумно на суету Большой Ордынки.

– Настоящий капитан корабля! – шутил Игорь.

А девушка вздыхала:

– Да кто ж мне штурвал-то доверит...

На работе в рекламном отделе у нее замаячили перемены. Начальница – конечно же, многомудрая дама – заметила Игорев интерес и теперь давала Лесе задания посерьезнее, чем сторожить копировальный аппарат. И девушка страшно нервничала, все казалось ей, что и пишет она не так, и на переговорах рот открывает невпопад.

– Но потенциал есть? – между делом поинтересовался Игорь у шефини отдела.

Та усмехнулась:

– Это уж как вам, Игорь Леонтьевич, будет угодно.

Сам же Игорь однажды, пока Леся плескалась в ванной, взял с комода вдоль и поперек исчерканный рекламный текст (о новом своем детище, птицеферме во Владимирской области) и с удивлением увидел, что малышка его даже пишет с ошибками. Круглым ученическим почерком.

«И слава богу», – мелькнуло у него.

Умная жена и глупенькая любовница – отличное сочетание.

Верка, к счастью, была вовсю увлечена работой, а также детородным проектом и на Игоря обращала внимания мало. Да и Лесенька, пусть глупышка, правила конспирации соблюдала идеально. Никогда не использовала духи, крем с сильным запахом. Даже душ принимала только с детским мылом. А когда Игорь уходил, обязательно тщательнейшим образом обмахивала его костюм влажной щеткой – чтоб не оставить ненароком своего волоска.

Говорила серьезно:

– Чтоб хоть дома без скандалов. Я и так тебе кучу проблем создаю!

Ответственная оказалась девочка, ничего не скажешь. Никогда ничего не просила, в магазины вместе с ним (или с его кредитной картой) ходить решительно отказывалась. Когда поцарапала крошечный «Ниссан-Тииду» (Игорев подарок на день рождения!), все пыталась ему деньги за ремонт отдать.

А уж как старалась, чтобы ему всегда хорошо было! В постели отработывала на все сто (хотя Игорь чувствовал: иногда Лесе совсем не хочется). Училась готовить. За собственные средства приобрела кофемашину: «Ты ведь без кофеина не можешь!» Если он говорил – всегда слушала, как никто.

Но, впрочем, будь Леся и законченной стервой, он все равно любил бы ее. Это юное, упругое, розовенькое, будто у младенчика, тело. Ясный взгляд, нежное дыхание. А чего стоили их совместные утра – когда изредка Игорь придумывал командировки и оставался ночевать в Лесиной студии.

Он редко видел Веру, так сказать, в натуральном виде – жена всегда старалась встать пораньше и привести себя в порядок. Но иногда они все ж пересекались – когда супруга только что с постели спешила в ванную. Что за жалкое зрелище: отекая, под глазами синяки, бледная... Минимум минут сорок требовалось, чтоб чудовище превратилось в подобие красавицы.

Леся же по утрам совершенно не заморачивалась. Обожала прижаться к Игорю в полудреме: глазки сонные, волосы спутаны. Столько юной энергии от нее исходило в этот момент! И изо рта не пахло ни капельки.

Иногда даже мелькало шальное: к Богу в рай идеальную, умную, проверенную Верку. Бросить все, откупиться от супруги квартирой и долей в бизнесе, а самому приобрести вот эту самую мансарду и жить здесь с Лесенькой...

Однажды совсем было решил завести с женой серьезный разговор. Но только Вера в тот момент едва начала оправляться от ужасной истории, когда их ребенок погиб на двадцатой неделе беременности. Так и не повернулся у него язык добить несчастную женщину. И силы воли не хватило противиться, когда жена, будто в омут, кинулась в очередную авантюру с очередной суррогатной матерью. Своей институтской подругой.

«Пусть балуется, – малодушно успокаивал себя Игорь. – Все равно у нее ничего не получится».

Сколько раз уж пробовали!

* * *

«Вы – мой последний шанс», – сказала Милене Михайловне ей VIP-пациентка Вера Бородулина.

Женщины, кто лечится от бесплодия, вообще склонны говорить, будто со сцены, и заламывать руки. Это вовсе не значит, что они на грани срыва, просто манера такая. И влияние гормонов, которые постоянно приходится принимать. Милена к концертам своих пациенток относилась спокойно. Обычно выслушивала что-нибудь вроде: «Моя жизнь кончена!» И сдержанно кивала в ответ: «Да-да, конечно. Я вас поняла».

Но у Веры нервы действительно были на пределе, врач сразу это почувствовала. Люди ведь разные. Кто-то готов и пять, десять, двадцать раз пробовать. А других уже пара неудач полностью выбивает из колеи. И без толку таким объяснять, что три попытки для ЭКО – совершеннейшая норма. Почему именно три? Да просто шанс на зачатие в среднем тридцать пять процентов. Поэтому удача с третьего раза укладывается в теорию вероятности.

Однако Вера – не слишком возрастная и не с самыми сложными диагнозами – после всего нескольких лет борьбы с бесплодием оказалась полностью измотана. И в истерику все время готова сорваться.

Милена надеялась, что хотя бы с физическим здоровьем у нее проблем не будет. Вроде молода, ведет правильный образ жизни. Анализ на ФСГ – этот гормон показывает, насколько велик у женщины запас яйцеклеток – оказался неплохим. Если грамотно стимулировать, в протоколе яйцеклеток должно вырасти до двадцати штук. Чтоб была возможность выбрать из них самые лучшие, а остальные – на случай неудачи – подвергнуть криозаморозке и использовать в следующих попытках.

Однако начали программу, пациентка приехала на первое УЗИ – и врач очень встревожилась. Какие уж тут двадцать! Дай бог, пять-шесть получить! Хотя в прошлом цикле, когда Милена просто оценивала Верины шансы, картина выглядела куда радужнее. Будто Бог препятствует, чтоб она матерью стала!

Милена Михайловна попыталась уговорить Веру отложить попытку на следующий месяц – та категорически отказалась: «Боюсь, тогда моя сурмама с крючка сорвется. Вы же знаете, она у меня дама успешная, не хохлушка. И, по моему, очень корит себя, что взялась за небарское дело. Если объявим отсрочку,

может и вовсе отказаться».

– Но посмотрите сами! – Врач развернула к Вере экран аппарата УЗИ. – В норме в каждом яичнике должно быть множество мелких фолликулов. Множество, понимаете! А у вас – их всего несколько.

– Тем не менее они есть! – упрямо молвила пациентка. – Вот и выращивайте! Как хотите!

– Зачем снижать шансы, если можно подождать месяц, а в следующем стимулировать ваши яичники по другой схеме?

– Можно подумать, вы гарантию даете, что другая схема поможет, – фыркнула Вера. – Нет уж. Работайте с тем, что имеется. Вы же, в конце концов, лучшая!

Милена вздохнула.

Конечно, она использует самые современные методы, чтобы повысить Верины шансы. Благо, финансовых проблем у нее никаких нет, можно назначать самые дорогостоящие лекарства и наиболее эффективные процедуры.

Однако спустя две недели у Веры – несмотря на все старания – получились лишь три готовые к оплодотворению яйцеклетки. И те далеко не лучшего качества.

* * *

Игорь так закрутился с работой, с личной жизнью, что напрочь забыл про день X, когда ему следовало явиться в клинику сдавать биоматериал. С Верой, конечно, он воздерживался, как положено, целую неделю, а вот с Лесей они как раз накануне провели восхитительные четыре часа. Игорь – достойно, мощно! – выступил два раза, для его возраста это почти рекорд. Ох, и тяжело было на следующее утро в клинике, когда вместо восхитительного молодого тела рядом только убогие порнографические журналы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/litvinovy_anna-i-sergey/madonna-bez-mladenca

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)